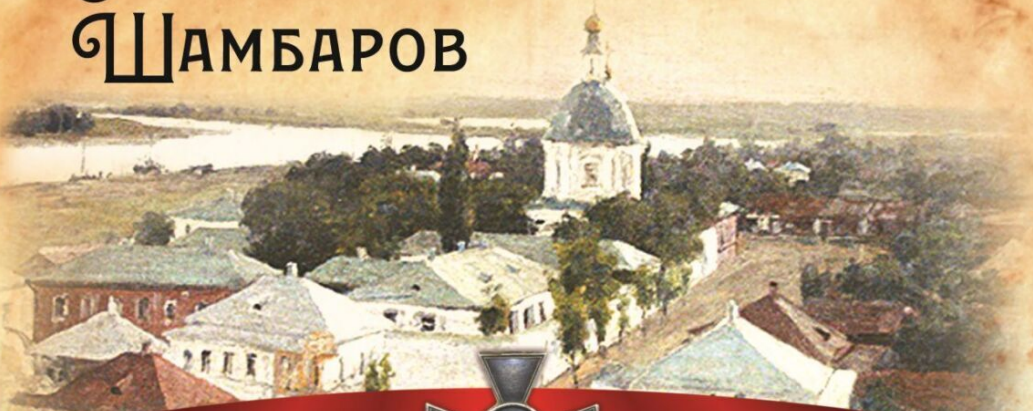

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

КАЗАЧЕСТВО

ПУТЬ ВОИНОВ
ХРИСТОВЫХ

Валерий Шамбаров

**Казачество. Путь
воинов Христовых**

«Алисторус»

2021

УДК 82-311.6-93
ББК 63.3 (2)

Шамбаров В. Е.

Казачество. Путь воинов Христовых / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2021

ISBN 978-5-00180-086-6

Известный писатель-историк Валерий Шамбаров представляет читателям полную историю всех Казачьих Войск России от их зарождения до нынешних дней. Книга рассказывает о древних корнях казачества, о казачьих традициях, о славных делах и подвигах казаков, создававших и защищавших нашу великую державу, охранявших и расширявших ее границы. Они дружно поднимались за Веру, Царя и Отечество, неоднократно спасали Россию в страшных войнах и сами прошли через суровейшие испытания, гонения, геноцид. Обо всем этом расскажет вам книга «Казачество. Путь воинов Христовых». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00180-086-6

© Шамбаров В. Е., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Шамбаров
Казачество. Путь воинов Христовых

© Шамбаров В.Е., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

От автора

*С земным поклоном
всем братьям казакам и сестрам казачкам.*

Казачество... Оно осваивало пространства диких степей, сибирской тайги и ледяных пустынь, формируя обширную и могучую Россию. Защищало ее в боях, охраняло ее границы. Но что же это такое – казачество? Есть казаки донские, кубанские – но и на противоположном краю континента живут казаки забайкальские, амурские, уссурийские. Была великолепная казачья конница – но были и пластуны-пехотинцы, казаки-моряки, казаки-землепроходцы. Были удалыцы-станичники, с молоком матери впитывавшие боевой дух и воинское искусство – а была и Запорожская Сечь, куда приходил любой желающий. Были служилые и городовые казаки, набравшиеся царской администрацией из людей разного звания. А были и некрасовцы, задунайцы, воевавшие против России. Однако все эти категории, несмотря ни на какие различия, признавали друг друга казаками. И все они составляли единое явление, имя которому – казачество.

Литературы по данному вопросу очень много. Но лучшие труды по истории казачества создавались в XIX – начале XX вв. Причем авторы, как правило, ограничивали свои исследования каким-то одним Казачьим Войском или определенным историческим периодом. С научной точки зрения некоторые положения данных работ устарели, они вобрали в себя и фольклорные легенды, искажавшие реальные факты. А в нынешние времена хлынул целый поток публикаций весьма сомнительного свойства, засоренных политическими заказами и откровенными фальсификациями, – откуда и черпают сведения многие энтузиасты, интересующиеся казачьим прошлым, традициями, корнями.

Целью работы, которую вы держите в руках, было представить всю историю казачества – от зарождения до наших дней. Казачества в целом, всех Войск, всех категорий казаков. Эта идея обсуждалась в 2005 г. на круге Московского казачьего отряда им. св. Александра Невского, и мне было поручено написать книгу «фундаментальную, полную, и вместе с тем изложенную просто и доступно, чтобы она могла стать пособием по истории казачества, настольной книгой казака». Насколько это удалось – судить вам.

Глава 1

О древнейших корнях

Поединок князей Мстислава Владимировича с Редедей

Откуда взялось само слово «казак»? Обычно считают, что оно тюркское и употреблялось в значениях «вольный воин», «бродяга», а то и «разбойник». Однако в тюркских языках нет близких корней, от которых можно было бы произвести «казак». Следовательно, в лексикон тюркских народов оно попало уже «готовым», извне. Происхождение слова «казак» надо искать не в тюркских, а древнеиранских языках, на которых говорили скифы и сарматы. От них нам достались и названия многих гор, морей, рек – Дон, Дунай, Днестр, Днепр («дан» в древнеиранских языках означало «вода», «река» – кстати, отсюда и русское слово «дно»). А корень «ас» или «аз» (в зависимости от произношения и передачи способный трансформироваться в «яс», «яз») встречается во многих скифо-сарматских этнонимах и топонимах: асии,

асы, ясы, аспургиане, каспии, траспии, Асаак, сакасны, массагеты, асседоны, асиаки, языги, хазары, хорасмии, касоги, кассахи и др.

Его значение известно – «свободный», «вольный». Например, «азады» – служилое сословие воинов Парфии, это слово как раз и означало «свободные», в Сасанидском Иране то же самое слово произносилось «газа»). Но «асы» было и самоназванием всех сарматских народов! Причем такое обозначение самих себя отнюдь не редкость в мире (допустим, «франки» – тоже означает «свободные»). Окончание «-ак, – ах» в древнеиранских языках применялось при образовании существительных от прилагательных и глаголов. Таким образом «казак» в буквальном переводе – что-то вроде «вольник», а если по смыслу – «вольный человек». Между прочим, так же легко переводится слово «черкасы». «Чер» – голова, и это слово можно прочесть или как «главные свободные», «главные асы», или «вольные головы». Обратим внимание, что и казахи, хакасы, сохранившие в этнонимах тот же корень «ас», проживают на территориях, некогда заселенных сарматскими племенами. От которых и перешли сквозь века их названия, хотя сами народы успели измениться, сменить языки и к казакам, естественно, отношения не имеют.

Впрочем, стоит отметить, что родные для казаков края – Поднепровье, Дон, Кубань, Приазовье, были населены с незапамятных времен. Например, самый древний в мире образец лодки найден на Дону и датируется аж VII тысячелетием до н. э. Это типичная долбленка-однодревка, какими впоследствии пользовались и казаки. Но степная полоса Юга нынешней России, Причерноморье, притягивали новых переселенцев, здешние народы периодически сменялись. Какое-то время господствовали киммерийцы. В VIII в. до н. э. пришли скифы, частично вытеснили киммерийцев, а частично смешались с ними, создали многонациональную Великую Скифию, куда входили и праславяне [156]. В Приазовье, на Кубани и черноморском побережье Кавказа античные авторы отмечали ряд более древних племен: меоты, синды, зиги (чиги), керкеты, ахеи, гениохи, аспургиане и др. Они славились как мореходы и пираты, выходили в море на легких ладьях, вмещавших 25–30 человек.

Во II в. до н. э. Скифию разгромили сарматские племена. Ее осколочек уцелел лишь в Крыму. Западнее Днепра расселились языги, между Днепром и Доном – роксоланы. Следующую волну сарматских переселенцев – асседонов, иксамагов, писаматов, аорсов, сираков, они за Дон не пропустили, и те осели на Кубани, на Северном Кавказе. А в I в. последовала новая волна переселенцев, аланы (так называли их соседи, а самоназванием было – «асы» или «ясы»). Они имели обыкновение инкорпорировать побежденные народы в состав своего, и этнонимы множества племен, живших от Тамани до Каспия, из античных источников исчезают, здесь появляется единая Алания. Кстати, именно в связи с расселением сарматских народов Меотиды – море меотов – превратилась в Азовское, море «асов».

Подобные миграции сопровождались войнами. Часть прежних жителей уходила, искала места поспокойнее, часть покорялась пришельцам. А покрытые зарослями долины рек, острова, плавни, болота являлись естественным укрытием, где имела возможность спастись часть побежденных. Осколки разных племен смешивались между собой. Далеко не все из них были кочевниками-скотоводами. На Дону и Донце археология обнаруживает непрерывное существование оседлых поселений примерно со II в. до н. э. [27, 28]. Страбон писал о «смешанном» племени, обитавшем в гирлах Дона. Арриан, посетивший Северное Причерноморье во II в. н. э., сообщал, что некоторые из местных племен «прежде питались хлебом и занимались земледелием», но после вражеских нашествий «покаялись великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов... а скота держать не более, чем сколько можно переводить из одной страны в другую». Но этот же закон, запрещавший земледелие, известен у донских казаков, он просуществовал до 1695 г. и был вполне рационален – привязавшись к земле, хозяйства стали бы легкой добычей степняков.

Хотя города у здешних жителей все же были. Самый значительный – Танаис (недалеко от Азова). Его основали греки в III в. до н. э., но город стал не греческим – в документах той эпохи его граждане подразделяются на «танаитов» и «эллинов», причем руководство составляли «танаиты». Страбон описывал, что Танаис являлся центром торговли для роксоланов и других окрестных племен. Еще одним центром была Фанагория (Тамань). Покорить здешние края пытались цари крымского Боспора, властитель Понтийского царства Митридат, но их завоевания оказывались непрочными – не только роксоланы, но и оседлые местные жители прекрасно умели владеть оружием. В 47 г. здесь появились римляне. Их легионы от Тамани прошли по Приазовью, взяли Танаис, но этот город стал самой северной точкой их завоеваний. Римляне тут крепко получили и дальше не продвинулись ни на шаг [156].

Однако масштабные переселения народов не прекратились. Во II в. с Балтики пришли русы (руги). Объединились с роксоланами, славянами, скифами и создали довольно крупную державу. Но через 80 лет ее сокрушили германцы-готы, тоже двигавшиеся от берегов Балтики. В 237 г. они захватили Танаис и разрушили город. Жестоко покоряли жителей Приазовья, как писал Иордан, они были «в большей части перебиты». Но и торжество готов было недолгим. В 371 г. на них обрушились пришельцы с востока, гунны. Славяне, роксоланы и население Приазовья приняли их сторону, помогая им бить общих врагов. Кстати, до нас дошла легенда о том, как гуннские воины, охотясь на Тамани, ранили оленя. Он бросился в воду, переплывая между отмелями, пересек Керченский пролив – и показал путь войску. Готы сосредоточили силы на Дону, а гунны обошли их через Крым и ударили в тыл [27]. Не этот ли олень, раненный стрелой и помогший местным племенам освободиться, был изображен на древнем гербе донских казаков? Только смысл уже забылся... А о том, что они восприняли гуннов освободителями, говорит однозначный факт – сразу же после падения готского владычества они восстановили Танаис, 140 лет лежавший в руинах.

Христианство в здешние края стало проникать задолго до Крещения Руси. Как известно, еще в 60-е годы I в. св. апостол Андрей Первозванный посетил Крым, основал первую христианскую общину в Херсонесе (возможно, и в Феодосии, Пантикапее). Причерноморье было окраиной Римской империи, и сюда ссылали преступников, в том числе христиан. На Дону и в Приазовье христианские погребения появляются со II в. Когда равноапостольный император Константин сделал христианство государственной религией и созвал в 325 г. в Никее I Вселенский Собор, на нем присутствовали делегаты из Боспорского царства и «Скифии». А житие св. Николая Чудотворца рассказывает, как где-то в IV в. паломники, жившие у устья Дона, снарядили корабль, чтобы поклониться мощам святителя.

Но карта Северного Причерноморья продолжала меняться. В V в. империя гуннов распалась, и в Поднепровье выделилась славянская Антия. В VI в. ее сокрушили авары, пришедшие из Средней Азии. За ними двигались их враги, тюрки. Возникли Аварский и Тюркский каганаты – граница между ними пролегла по Дону. В VII в. оба они развалились на части. В степях от Дуная до Кубани образовалось Болгарское ханство. А хазары, населявшие берега Каспия и долину Терека, приняли тюркскую знать и создали свой каганат. В 670 г. в союзе со славянами и аланами они одолели и изгнали болгар. Затем разбили и подчинили Аланию. И вот после этого в разных источниках появляется термин «касаки», в русских летописях – «касоги», так стали называть жителей Западного Кавказа, Кубани и Приазовья.

Чтобы объяснить это, можно вспомнить: при образовании Алании в нее вошли многочисленные побежденные племена, все они становились «аланами» («ясами»). Логично предположить, что после разгрома аланов хазарами они отделились. При этом обобщенно обозначили себя «свободными» – «касаками». Какие-то из них назвались и «черкасами» (но не черкесами – это не самоназвание, а прозвище, данное аланами, означает «головорезы»). Описания «страны Касакии» появляются уже позже, в сочинениях Константина Багрянородного (X в.), Гудад ал-Алэма (XIII в.). Персидский географ Аль-Масуди (X в.) рассказывал: «За царством алан нахо-

дится народ, именуемый касак, живущий между горой Кабх (Казбек) и Румским (Черным) морем. Народ этот исповедует веру магов. Среди племен тех мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе... Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В таком случае ни аланы, ни какой другой народ не смогли бы их покорить».

Как видим, и Масуди отметил, что это был не один народ, а раздробленные племена. Ну а хазары подмяли как алан, так и касаков. Славяне до поры до времени оставались союзниками хазар. Племя северян в это время расселилось по Донцу и Дону. Арабы и персы стали называть Дон «Русской рекой» или «Славянской рекой». Хотя население здесь оставалось смешанным, археологи отмечают одновременное сосуществование разных культур. Поселения русов возникли и в Приазовье, в Крыму. С Византией поддерживались прочные и выгодные связи, и Константинопольская патриархия учредила Хазарско-Хорезмийскую митрополию, окормлявшую умножавшихся христиан.

Но в 808 г. в Хазарском каганате произошел переворот, власть захватила иудейская купеческая верхушка, что стало бедствием для окрестных народов. Хазария стала поставлять на внешние рынки меха и рабов. Чтобы добыть их, поработала соседей, облагая тяжелой данью. Христиане подверглись гонениям, бежали на окраины государства. В 834 г. по просьбе кагана византийский император прислал ему инженера Петрону Коматира – построить крепость Саркел на Дону. Тот обнаружил, что среди местных жителей много христиан, запроектировал в цитадели храм. Но иудейское начальство не позволило его возвести, завезенные для церкви капители и колонны были брошены в степи, где их и нашли археологи в 1935 г. [26]

Каганат расширял свои владения во все стороны. Северяне отступили с Дона и Донца на Десну. А по степям от Дона до Днепра хазары продвигались системой крепостей-замков, археологи нашли их более 300. Сами купцы из хазарской верхушки воинами не были, в крепостях несли службу какие-то другие племена. Причем выявлены не только мужские, но и женские воинские погребения, что было характерно для сарматских народов (от которых и пошла легенда об «амазонках»). Но установлено, что хозяева им не доверяли. Внутри цитаделей жили только начальники, а гарнизоны располагались во внешнем обводе укреплений. По рисункам и надписям, нацарапанным часовыми, обнаружено, что даже посты несли службу не с внутренней, а с внешней стороны стен! [156]

В IX в. у хазар появился сильный противник, князя из династии Рюриковичей. Борьба шла с переменным успехом, пока в 965 г. Святослав Игоревич не нанес каганату смертельный удар. Сокрушил войско хазар, разрушил Итиль, Семендер на Тереке, Саркел, победил и вассалов каганата, ясов и касаков. Согласно Иоакимовской летописи, часть из них он «приведе Киеву» на поселение – вероятно, некоторые из подневольных племен в войне перешли на его сторону. А на месте Саркела была отстроена крепость Белая Вежа – Дон стал границей Киевской Руси.

Сын Святослава св. равноапостольный Владимир в 984–985 гг. покорил последний осколок Хазарии Таматарху (Тамань) и Самкерц (Керчь), превратив их в Тмутараканское удельное княжество. Правители здесь были русскими, а основную часть населения составили касаки. Покорились они не сразу. Но вместо сражения предложили поединок между князем Мстиславом Владимировичем и вождем **Редедей**. А после победы Мстислава признали подданство, и отношения установились вполне дружеские. Касаки вступали в дружины русских князей, принимали крещение.

Русские селились и на Дону, вокруг Белой Вежи. Она контролировала важный торговый путь – с Волги на Дон и через Азовское море на Тамань, взимала пошлины. Но в эпоху Киевской Руси появились и другие места, где жизнь была сходной с будущими казаками. Для защиты от печенежских набегов св. Владимир начал строить систему пограничных крепостей.

Служить сюда набирали добровольцев, удальцов из разных племен, разного звания. Появились богатырские заставы, которые наблюдали за степью, вели разведку, оповещали об опасности, отбивали у степняков пленных. В общем, не случайно более поздние былины называли Илью Муромца «казак» – хотя с исторической точки зрения это, конечно, анахронизм. Кроме того, киевские князья начали привлекать на службу и «осаживать» для защиты границ торков, черных клобуков (каракалпаков), берендеев (угров), других союзных кочевников.

Возникали и центры другого рода – не княжеские, на «ничейной» территории, где собиралась всякая вольница. Сперва они появились на «Белобережье» (Кинбурнской косе) и близлежащих островах. Отсюда отчаянные искатели удачи и добычи отправлялись на лодках в морские набеги на византийские берега – греки называли их «русами-дромитами» (от Ахиллова Дрома – Тендровской косы). Позже на Днестре возник «вольный город» Берлад, куда стекались разноплеменные «берладники». Ну чем не прообраз Запорожской Сечи?

А Киевская Русь стала дробиться, втягиваться в междоусобицы. Тмутаракань было далекой окраиной, здесь находили пристанище проигравшие князья, изгои. Один из них, Олег Святославович, признал себя подданным греческого императора Алексея Комнина, получал за это деньги и военную помощь. В 1094 г. он отправился воевать за свой родовой Чернигов, а с императором расплатился, отдал Тмутараканское княжество Византии. С утратой этих владений потерял значение и степной форпост Руси – крепость Белая Вежа на Дону. Теперь она была отрезана от родины, окружена половецкими племенами. В 1117 г. русский гарнизон и часть жителей были выведены из крепости. Им выделили землю в Поднепровье, на реке Остер, там был построен город с тем же названием, Белая Вежа.

Но русские жили на Дону уже 150 лет. Смешивались с хазарами, касогами, перенимали их обычаи, сохранили только язык и православную веру. Многие остались. Их стали называть «бродниками» – основной их промысел был связан с торговой дорогой по Дону. Они обслуживали броды через донские притоки, волоки, переправы, получали за это плату от купцов, продавали им рыбу, дичь. Жили в окружении степняков, в постоянной опасности, поэтому владеть оружием учились с малых лет. Западные источники называют бродников великолепными воинами. Ну а Византия тоже стала слабеть, и доставшееся ей Тмутараканское княжество захирело, попало под власть половецких ханов.

Глава 2

Как рождалось казачество?

Русь подорвала свои силы в междоусобицах, а в 1223 г. через перевалы Кавказа вторглись монгольские тумены. Ясов и касогов они разбили и покорили, наложили дань. Ударили на половцев. Но бродники стали союзниками пришельцев – поскольку половцы были их извечными врагами. Русские князья рассудили иначе, вступились за своих степных соседей – и подверглись страшному разгрому на Калке. Но в этот раз монгольское войско приходило только на разведку. Однако через 14 лет с востока хлынули полчища Батые. Заполыхали Рязань, Москва, Владимир. Военачальники Батые снова разгромили половцев, заставили покориться касогов и ясов.

В степях Причерноморья и Поволжья возникла Золотая Орда, столицей ее стал Сарай в низовьях Волги. Над подвластными половцами, печенегам, торками, берендеям Батый ставил своих начальников, спаивал жестокой монгольской дисциплиной – на Руси их обобщенно называли «татарами». Соседние народы облагали данью, русским князьям тоже пришлось подчиниться. Но на Дону оставалось прежнее население, бродники. Французский посол Робрук, проезжавший в 1252–53 гг. через здешние края, сообщал:

«Повсюду среди татар разбросаны поселения русов; русы смешались с татарами и в смешении с ними превратились в закаленных воинов; усвоили их порядки, а также одежду и образ жизни. Средства для жизни добывают войной, охотой, рыбной ловлей и огородничеством. Для защиты от холода и непогоды строят землянки и постройки из хвороста; своим женам и дочерям не отказывают в богатых подарках и нарядах. Женщины украшают свои головы головными уборами, похожими на головной убор француженок, низ платья опушают мехами выдры, белки и горностая. Мужчины носят короткую одежду: кафтаны, чекмени и барашковые шапки. В смешении с другими народами русы образовали особый народ, добывающий все необходимое

войной и другими промыслами... Все пути передвижения в обширной стране обслуживаются русами; на переправах рек повсюду русы, имеющие на каждой переправе по три парома» [23].

Об «усвоении» татарских обычаев – явная ошибка француза. Описанные им способы хозяйствования, жилища, наряды совершенно не соответствуют монгольским. Робрук видел бродников, которые и раньше жили подобным образом. Л.Н. Гумилев в 1965 г. при раскопках на берегу Цимлянского моря обнаружил остатки селения, находки показывали, что здесь жили семейные люди. А по образцам керамики установлено, что селение существовало примерно с X до XV вв. – и до Орды, и под властью Орды [28]. Местные жители сохраняли и православную веру. Этот фактор очень мудро оценил св. Александр Невский. В 1261 г. он испросил у хана Берке, чтобы из разрушенного поднепровского Переяславля кафедра епископа была перенесена в Сарай. Епархия стала называться Сарско-Подонской, окормляла православное население в ханской столице, на Дону и других землях Золотой Орды. Но подчинялась она митрополиту Всея Руси – чья резиденция из запустевшего Киева переехала во Владимир, а потом в Москву. Таким образом, через Церковь, установилась связь православных жителей Орды с новым центром русских земель.

А вот касогам под ханской властью пришлось очень не сладко. Они не имели таких заступников, как св. Александр Невский или Иван Калита. Жили разрозненными племенами. Их грабили все кому не лень – баскаки, сборщики дани. Татарские начальники вытесняли их с земель, пригодных под пастбища. Сказалась и специфика Причерноморья. Еще в эпоху Древнего Рима крымский Боспор был центром работорговли, скупая пленных у окрестных племен. В Хазарском каганате этот сверхвыгодный промысел прибрала к рукам иудейская община. Но и после гибели Хазарии работорговцы нашли пристанище в византийском Херсонесе, оптом покупали невольников у печенегов и половцев. В период своего упадка Византия уступила крымские и приазовские города венецианцам и генуэзцам. Но купеческие общины там остались прежними. В Венеции правитель здешних колоний носил титул «консул Хазарии», а в Генуе черноморскими владениями управлял коллегиальный орган, «Оффициум оф Хазарие». И для них-то Золотая Орда стала поистине «золотой» – она превратилась в главного поставщика невольников на международные рынки. Татары пригоняли из походов массы пленных, а итальянские корабли развозили их на Ближний Восток, в европейские страны [158].

Касоги становились жертвами охоты на невольников – жили-то близко от портов и рынков. Они восставали. Но мятежи Орда усмиряла круто, и «страна Касакия» из всех источников исчезла. Из равнинных, легко доступных районов Приазовья и Кубани жители разбежались. Часть уходила в горы. Они стали предками адыгов, кабардинцев, карачаевцев. Другие переселялись в леса донских притоков, приазовские болота. Уходили и в Поднепровье – здешние места были совершенно опустошены, города и села лежали в пепелищах. Селиться можно было где угодно. А днепровские плавни и леса были хорошим убежищем в случае нападений.

Свидетельства таких переселений сохранились в языке, в географических названиях. Например, авторы античных времен и раннего Средневековья называли на черноморском побережье Кавказа и в Приазовье племя чигов. Впоследствии чигов упоминают на Верхнем Дону и Хопре [25, 26]. В казачий лексикон вошли связанные с ними слова «чигонаки» (селения в болотистых низинах), «чигин» – поясной кошелек, «чикилеки» (женское украшение), прозвище «чига востропузая» [169]. Но чиги появились и на Днепре, позже здесь возник город Чигирин. А «черкасами» на Руси называли кабардинцев. На Днепре тоже обосновалась их община, был построен город Черкассы. Термином «черкасы» даже стали обозначать всех украинских казаков (но не донских).

Впрочем, сейчас внедрилась тенденция напрямую производить от касогов «казачью нацию». Это крайне безграмотная ошибка. Беженцы из «Касакии» составили лишь изначальные зернышки казачьих общин, пополняясь за счет других удальцов. Так, на Дону исчезает этноним бродников (последний раз упоминаются в 1254 г.) Возможно, это было связано с меж-

доусобицей в Орде, с войной хана Тохты против могущественного Ногая – вероятно, бродники приняли сторону проигравшего, их пребывание прослеживается во владениях Ногая, где-то в Молдавии. А позже появляются «казаки» – хотя селения на Дону продолжали существовать, никуда не делись. Очевидно, касоги смешались с оставшимися здесь бродниками и передали им свое имя.

Правда, в этот период информация о казаках неясна и расплывчата. Они жили в ханских владениях и участвовали в походах татар. Баскаки и купцы нанимали их в свои частные отряды. Но в XIV в. в Орде началась «великая замятня» – жестокие драки за власть. Она стала распадаться, и вот тут-то проявились духовные связи казаков с Русью. Св. благоверный князь Дмитрий Иванович принялся налаживать оборону южных границ. Строил крепости по Оке, организовывал разведку, высылал в степь «сторожи» – казаки становились для них лучшими союзниками.

А в 1380 г. московский государь повел рати на Куликово поле. Как сообщает «Гребенная летопись», к нему присоединились казаки городков Сиротина и Гребни: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый казаки в радости встретиша великаго князя Дмитрия, со святыми иконы и со кресты поздравляюще ему об избавление своем от супостата и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквях своих». Казаки принесли князю Донскую икону Пресвятой Богородицы. «Она была утверждена на древке, как хоругвь. В день славной Куликовской битвы... икону носили среди православных воинов для ободрения и помощи». После победы уцелевшие казаки подарили икону Дмитрию Донскому. Летопись рассказывает, что князь побывал и в казачьих городках, где ему подарили еще одну чудотворную икону Божьей Матери – Гребневская (или Гребенская) [43].

Но торжество оказалось недолгим. Два года спустя поход на Москву предпринял хан Тохтамыш. Чтобы достичь внезапности, он выслал рати по Волге и Дону, прочесавшие и уничтожившие казачьи селения. Диакон Игнатий Смольнянин проезжал из Москвы в Константинополь в 1389 г., через 7 лет после этого погрома. Он описывал: «По Дону никакого населения нет, только виднелись развалины многих городков...» То есть в составе Орды казаки чувствовали себя достаточно вольготно, строили «многие городки» на виду – теперь этому пришел конец.

А вскоре Тохтамыш неосмотрительно поссорился со своим давним покровителем, властителем Средней Азии Тимуром Тамерланом. В 1395 г. он вторгся на ордынские земли, разбил татар на Тереке, преследовал до Днепра. После этого Тимур стер с лица земли Курск, Липецк, Елец. На Москву не пошел. Как известно, произошло чудо по молениям к Владимирской иконе Пресвятой Богородицы. Тамерлан повернул на юг, но его полчища снова прочесали Дон сверху донизу, разорили и сожгли Азов, опустошили Крым, Северный Кавказ, Сарай, Астрахань. После этого нашествия в Орде рухнул всякий порядок. Степь превратилась в Дикое Поле, где разные претенденты на ханство и просто банды резались друг с другом. Казаки разбредались кто куда. Их охотно принимали русские князья. Давали землю для поселения и договаривались: податей они платить не будут, а вместо этого станут охранять границы. Так появились рязанские, мещерские, северские казаки.

Сказания, записанные в XVIII в. Рычковым, Рукавишниковым, Акутиным связывают с нашествием Тамерлана первое появление казаков на Яике – атаман **Василий Гугня** с отрядом из 30 донцов и одного татарина перебрался на эту реку. Встретили татар и побили их, кроме женщины, на которой Гугня женился. А потом к отряду присоединилось много татар, бежавших из Астрахани [114]. Легенда гласит, будто до «бабушки-Гугнихи» казаки не женились, сходились с женщинами только на время, а когда отправлялись в очередной поход, бросали их, прижитых детей убивали. Но это всего лишь сказка. Археологические находки показывают, что на Дону бродники и казаки испокон веков жили семьями. Однако и целиком отвергать преда-

ние нельзя. Народная память зафиксировала исторические факты. Миграции с Дона, вызванные Тамерланом. Даже последовательность разорения указана верно – сперва Дон, потом Астрахань. Хотя постоянных поселений на Яике в данное время еще не возникло. Казаки лишь стали приходить сюда, а обосновались позже, в XVI в.

Новые партии переселенцев из степи появились и в Поднепровье, во владениях Литвы. Она не знала татарского ига и быстро усиливалась – русские удельные князья добровольно переходили под ее власть, чтобы обрести защиту. Правда, в 1385 году великий князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, Литва соединилась с Польшей, и государственной религией стал католицизм. Однако на окраинах это пока не ощущалось. А для храбрых и умелых воинов здесь открывались возможности и для заработков, и для карьеры.

В 1399 г. властитель Литвы Витовт в союзе с Тохтамышем выступил против ордынского хана Темир-Кутлуга. В литовском войске были и казаки. Но в битве на р. Ворскле оно потерпело страшное поражение. Витовта спас казак **Мамай**. Три дня блукал с ним в лесу по чащобам, пока Витовт не пообещал ему княжеский титул и город Глинск. Казак сразу же нашел дорогу и стал князем Глинским. Родословная Глинских уточняет, что казак носил имя Алекса и был внуком темника Мамаю – после его разгрома на Куликовом поле и гибели родственники ушли в Литву, служили на границе, перешли в православие.

Впрочем, стоит отметить, что прозвище «Мамай» носили и некоторые другие князья Глинские и, судя по всему, они пользовались у казаков большим авторитетом. Впоследствии казак Мамай стал в Поднепровье одним из любимых героев народного творчества. Его рисовали на дверях хат, скрынях (сундуках), печках. Изображали обычно с бандурой, чаркой, сопровождая подписями наподобие: «Козак – душа праведна, сорочки не має, колы не пье, то вошу бье, а все не гуляе». В общем, фигура Мамаю стала обозначать фольклорного «обобщенного» казака.

Казаки участвовали и в других войнах Литвы и Польши. В 1410 г. они в составе объединенной армии сражались с тевтонскими рыцарями под Грюнвальдом. Участвовали они и в междоусобицах, гражданских войнах, раздравших Литву после смерти Витовта. Еще одна часть казаков пристроилась в черноморских колониях Генуэзской республики. Здешные купеческие общины пользовались наемными воинами и хорошо платили. В уставе Кафы (Феодосии), утвержденном в 1449 г., пункт 66 гласил: «если случится, что будет взята какая-нибудь добыча на суше казаками, или оргузиями, или кафскими людьми», запрещалось отбирать ее и взимать с нее налоги. В уставах Солдайи (Судак) и Чембало (около Севастополя) требовалось, чтобы казаки, если возьмут добычу, выделяли четвертую часть консулу города, а остальные три четверти делились пополам между казаками и городской общиной [42]. Венецианец Барбаро, живший в здешних местах в 1436–52 гг., писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называвшийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русско-татарском языке». Барбаро указывал, что они имели выборных предводителей.

Служили казаки и Московской Руси. В 1443 г. в зимних боях против ордынского царевича Мустафы отличились рязанские казаки. Между тем Золотая Орда развалилась. От Большой (Сарайской) Орды отделились Казанское, Крымское, позже Астраханское ханство, Ногайская орда, враждовавшие между собой. Прежняя столица Сарай пришла в упадок. Пребывание в нем центра Сарско-Подонской епархии теряло смысл. В 1460 г. епископ Вассиан уехал отсюда. Великий князь Василий Темный и митрополит Иона выделили ему резиденцию в Москве, на Крутицком подворье при храме св. Петра и Павла. Епархия стала называться Крутицкой, но задачу сохранила прежнюю – окормлять православное население в татарских владениях. При Иване III, в первой войне против Казанского ханства, отряды казаков действовали под командованием воеводы Ивана Руно, в 1469 г. ворвались в посады Казани, «отполонили» множество русских невольников.

Противники Москвы пытались объединиться против нее, хан Большой Орды Ахмат заключил союз с Литвой. Но Иван III в противовес им нашел союзника в лице крымского хана Менгли-Гирея. Польский историк Ян Длугош писал, что в 1469 г. на Волынь совершило набег крымское войско, состоявшее «из беглецов, добычников и изгнанников, которых они на своем языке называют казаками». А в 1480 г. русская рать и полчища Ахмата сошлись в Стоянии на Угре. Государь тайно организовал экспедицию в глубокий тыл неприятеля. Корпус из казаков, добровольцев и служилых татар под руководством князя Василия Звенигородского и царевича Нордоулата отчалил из Нижнего Новгорода на лодках вниз по Волге, неожиданно нагрянул прямо на Сарай и разорил его [158]. Известие о разгроме столицы потрясло Ахмата, подстегнуло его отступить. Хотя неудачный поход подорвал его авторитет, на него напали сибирские татары с ногайцами и убили. Гибель хана ознаменовала и конец всей Большой Орды.

На юге происходили и другие большие перемены. Турецкий султан Мухаммед II окончательно добил Византию, взял Константинополь. Стал считать себя наследником греческих императоров и решил прибрать к рукам их прежние владения на Черном море. В 1475 г. турки предприняли экспедицию в Крым. Генуэзцы узнали об этом, взывали о помощи к папе римскому, к польскому королю Казимиру. Хотя король не рискнул подставлять свое войско под османский удар, прислал для защиты Кафы только казаков. Однако турки захватили и Кафу, и Бахчисарай. Крымское ханство признало себя вассалом Османской империи. На северных берегах Черного моря начали строиться турецкие крепости.

Но уже поднималась и усиливалась Московская держава. Разрасталась, присоединила вечевые «республики», цеплявшиеся за свою независимость: сперва Новгород, потом Вятку – гнездо волжских ушкуйников. Иван III женился на Софье Палеолог из греческого царского рода, и на гербе России появился византийский двуглавый орел. Москва подхватила и духовную миссию погибшей Византии, превращалась в мировой центр Православия – Третий Рим. Когда в Литве начались гонения на православных, Иван III вступился за единоверцев, и граница стала сдвигаться на запад – у литовцев отобрали Вязьму, Брянск, Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский.

И в этот период стал заново заселяться Дон. Однако представлять дело так, будто сперва казаки отступили из родных мест на Русь, а потом вернулись, было бы слишком грубым упрощением. Те, кто покинул Дон после погромов Тохтамыша и Тамерлана, за сотню лет прижились в рязанских, северских, московских землях, их потомки смешались с коренным населением. Но в опасном приграничье хватало и других удалыцов, здесь все умели владеть оружием. Самым отчаянным хотелось пожить вольно, испытать свою силушку и сноровку.

После распада Большой Орды степь в значительной мере очистилась от татар, теперь они тяготели к центрам ханств, и отряды вольницы с Рязанщины, Калуги, Тулы начали осваивать Дикое Поле. Рязанская княгиня Аграфена жаловалась Ивану III, что ее подданные «самодурью» уходят за рубеж. Их городки возникли на Верхнем Дону и по его притокам – Вороне, Хопру, Медведице. Это давало возможность и вольную жизнь вести, и поддерживать связи с русским приграничьем, торговать там, покупать необходимые вещи. Так возникло верховое казачество – его основу составили выходцы с Руси.

А на юге после разгрома генуэзских колоний один из городов, Азов, долгое время оставался в неопределенном положении. У властей до него руки не доходили. Здешние казаки стали считать его «своей» столицей. Жили, никому не подчиняясь, грабили турок и их вассалов, торговые караваны. Только в 1502 г. султан повелел крымскому хану Менгли-Гирею навести порядок, а «всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». Хан послал войско и занял Азов. Часть казаков покинула город, другие остались. Они приспособились к новой власти, перенацелились совершать набеги на Русь. В 1516 г. Василий III просил султана, чтобы тот запретил азовским казакам «тревожить нашу украину (т. е. окраину) и хватать людей».

Но позже упоминания об азовских казаках исчезают. Очевидно, они смешались с татарским и турецким населением, приняли ислам.

А те казаки, которые ушли из Азова, отступили вверх по Дону, основав свои городки. Они положили начало низовому казачеству. С верховым казачеством они были разделены, так как места у Переволоки лежали близко от Астраханской орды и оставались слишком опасными. Но и сами по себе казачьи городки и станицы (изначально станицами назывались не населенные пункты, а отряды) существовали независимо друг от друга, избирали собственных атаманов. Они объединялись и ставили над собой общего предводителя только на время совместных предприятий. В связи с этим возникло два центра донских казаков – Раздоры возле впадения в Дон Северского Донца и Верхние Раздоры на Медведице. Здесь собирались для больших походов, проводили выборы, а потом делили добычу. Как выборы, так и дуван не обходились без конфликтов, откуда и названия городков.

Казаки в это время появились и на Тереке. По преданиям, первый отряд во главе с **Андреем Шарой** пришел сюда с Дона. Но вполне вероятно, что на Терек перебрались и вятские ушкуйники – этнографы и фольклористы выявили у здешних казаков многие особенности, общие с Русским Севером [14]. Подобная версия вполне логична: когда Иван III подчинил Вятку и ликвидировал базу буйной вольницы, для нее не было возможности обосноваться где-нибудь на Волге, реку контролировали Казанское и Астраханское ханства. А добраться через Каспий на Терек было не трудно. Как показывают исследования, сперва казаки «кочевали в гребнях» (горах) по рекам Аргун, Баас, Хулхулау, Сулак, Акташ, Сунжа. Потом выбрали постоянное пристанище – по р. Сунжа (в фольклоре гребенцов ее зовут Сунжа-матушка) [14]. Здесь казаки подружились с кабардинцами, стали союзниками.

Таким образом, казачество складывалось из разных составляющих – не по крови а по духу. Казачом становился тот, кто мог стать «своим» в их среде, был способен выжить в экстремальных условиях.

Глава 3

Воины приграничья

Казак XVI в.

В XVI в. упоминания о казаках в различных документах хлынули сплошным потоком. А политическая обстановка в Восточной Европе определялась в это время борьбой трех держав. С одной стороны Литва, связанная с католической Польшей (у них был общий король). С другой – Россия. И им обоим постоянно угрожало Крымское ханство. Эти государства были очень не похожими друг на друга. Москва смогла усилиться благодаря централизации власти. От Орды она переняла принципы жесткой дисциплины. Вся знать обязана была служить великому князю, исполнять его распоряжения. Была создана многочисленная профессиональная армия из мелких дворян («детей боярских»). А Государь отвечал перед Богом за всю страну и за своих подданных. Видел свой долг в том, чтобы защищать их и от внешних врагов, и от преступников. Крепостного права еще не существовало, а налоги были весьма умеренными. Иностранцы с удивлением отмечали благосостояние русских людей, изобилие и дешевизну продуктов.

В Польше и Литве власть короля была очень ограниченной. Важнейшие вопросы решали Сейм – собрание знати, и сенат из высшей аристократии. Во главу угла они ставили «свободы», кичились ими. Но «свободы» существовали отнюдь не для всех. Реальными правами обладала только шляхта – дворяне. А фактически заправляли богатые магнаты – паны. Именно они заседали в сенате, определяли решения Сейма. Если в России воевод в города назначали на 1–2 года и государь строго контролировал их службу, то в Литве и Польше должности воевод и старост становились фактически личными владениями, паны распоряжались в них как самовластные царьки. Крепостное право было жесточайшим, подати самыми высокими в Европе. Магнат заставлял крестьян трудиться сколько ему угодно, мог истязать и убить по своему усмотрению (в России смертные приговоры выносили только Государь и Боярская дума). Папский нунций Руггиери писал: «Паны, казня крестьян ни за что, остаются свободны от всякой кары... можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Ну а Крымское ханство под эгидой Османской империи значительно усилилось. Его границы охватывали значительные территории – причерноморские степи, Нижнее Поднепровье, Приазовье, Кубань. Зависимость от Крыма признали народы Северного Кавказа, ногайцы. Развернулось и соперничество за Казань. Русские государи неоднократно совершали походы на нее, возводя на престол своих ставленников. Однако крымские Гирей стали считать себя правопреемниками Золотой Орды. Вмешивались в казанские дела, пророссийские ханы свергались, заменяясь антироссийскими.

Мало того, ханство унаследовало давний здешний промысел – работорговлю. Когда Крым подчинили турки, купеческие общины черноморских городов быстро восстановились. Они подобрали ханский двор под свое влияние. От денег работорговцев зависели придворные, мурзы. Да и для простых воинов набеги оказывались гораздо выгоднее, чем занятия скотоводством или садоводством. Пригнали вереницу «ясыря», продали – и смогли купить обновки и украшения для жен, красивое оружие. Охота за невольниками стала основным промыслом ханства. Если с Менгли-Гиреем Москва заключила союз, то он посылал татар на владения Литвы. А с его преемником Мехмет-Гиреем сразу же постарался навести дружбу польский король Сигизмунд. Согласился платить 15 тыс. золотых в год, если крымцы будут воевать против России.

Московские государи тоже присылали в Крым подарки (татары называли их данью), подписывали договоры. Но ничего не помогало. Если хан сам не выступал в поход, то отпускал «подкормиться» отряды мурз и царевичей. Иначе его попросту свергли бы. Но и полякам союз с Крымом постоянно вылазил боком. В Бахчисарай привозили телеги с королевским золотом, татарские загоны катились на Русь. Но если их отражали, они поворачивали на владения короля. Деньги уже получены, так какая разница, где они наберут товар для работорговцев?

С Турцией русские состояли в дружбе, жаловались на крымцев. Султан повелел прекратить набеги. Но Мехмет-Гирей ответил ему с предельной откровенностью: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?» Впрочем, турки не очень настаивали. По своим вассальным обязательствам крымский хан отдавал султану 10 % добычи и пленных, работоторговцы пополняли казну пошлинами, были в прекрасных отношениях с османскими вельможами в Крыму. Да и в Константинополе орудовала община таких же купцов, связанных с крымскими, имела высоких покровителей при дворе.

Московские государи налаживали оборону от степных хищников. Держали сильные гарнизоны в южных крепостях. Каждое лето сюда приходили полки конницы, дежурили до поздней осени, пока сохраняется опасность набегов. Вырабатывались системы оповещения дымами, огнями. Крестьяне бросали все дела, укрывались по лесам или за стенами крепостей. В случае крупных нападений донесения летели в Москву, государь высылал большие рати. Первые сигналы об угрозе поступали от вольных казаков, кочевавших в степи. Они поставляли самые точные данные разведки. Поэтому воеводы пограничных городов поддерживали с ними самые лучшие отношения. Казаки свободно приходили в города торговать. Приносили свои военные трофеи, добытые ими рыбу и дичь, нередко держали в городах свои семьи. Жены вели хозяйство, растили детей, а мужья приходили к ним на зиму. А когда великий князь Василий III решил перевести на постоянную основу дипломатические отношения с Турцией, он пригласил для переговоров донских атаманов. Установили, что казаки будут встречать и охранять послов во время их путешествия по Дону. За такую службу платилось жалованье.

Польские короли не могли организовать такую систему обороны, как Москва. Для этого у них не было ни денег, ни войск, ни достаточной власти. А могущественные паны жили сами по себе. При набегах они предпочитали укрываться в каменных замках, предоставляя крестьянам спасаться, как получится. Даже изменник Курбский, перебежавший к полякам, возмущался: «Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, прослышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг».

В общем, плодородная Украина была очень неудобным местом. Впрочем, необходимо уточнение. В ту эпоху термин «Украина» не обозначал страну. Он употреблялся сугубо в прямом смысле – «окраина». В документах XVI–XVII вв. упоминаются Московская Украина (все южное порубежье), Сибирская Украина. А Поднепровье значилось Польской Украиной. Сами местные жители называли себя «русскими». Литва именовалась Великим княжеством Литовским и Русским, а Львовщина в составе Польши – «Русским воеводством». Но, чтобы не сбивать с толку читателя, я буду пользоваться термином «Украина» в современном значении.

Единственной реальной защитой этих областей были казаки. К ним стали обращаться магнаты, чьи владения лежали близко от Дикого Поля – Острожские, Заславские, Збаражские, Вишневецкие. Здешние паны во многом отличались от аристократов из внутренней Польши. Это были воины, с детства воспитывались в боях, на коне. По крови они были русскими, по вере – православными. Свои земли им приходилось постоянно защищать с саблей в руках, и казаки для них оказывались лучшими помощниками. Магнаты давали им места для поселения, снабжали всем необходимым, а за это получали в свое распоряжение их отряды.

На Украину шел и постоянный приток беглых из других областей Польши и Литвы. Крестьяне уходили сюда от невыносимого панского гнета. А здесь было полегче. Хозяева приграничных районов очень нуждались в рабочих руках. Принимали беглых, освобождали от податей на 5–10 лет. Заселяли ими свои деревни, осваивали пустующие земли. Самые боевые переселенцы тоже «оказывались». Магнаты это только приветствовали. Пускай трудятся и одновременно обороняют свои хозяйства.

Основными базами днепровских казаков были Черкассы, Канев, Киев, Немиров, Полтава. Там они зимовали, а летом выходили в степь на промысел и охрану границы. Известными покровителями и предводителями казаков были киевские воеводы **Юрий Пац** и **Дмитрий Путятин**, черкасский староста **Богдан Глинский**. Кстати, он вел свой род от казака Алексея Мамаю и тоже носил прозвище «Мамай». Он прославился тем, что в 1493 г. повел черкасских казаков в поход, захватил и разрушил крепость Очаков, только что построенную турками и татарами. Может быть, именно он стал первым прототипом фольклорного «казака Мамаю».

В 1503 г. крымский хан жаловался, что киевские и черкасские казаки ограбили турецких купцов. В 1504 г. он просил Ивана III отпустить крымских послов «на зиме... коли казаки не ездят и дорога чиста», а в 1505 г. в переписке отмечалось, что «от казаков страх в поле». Организацией войска из днепровских казаков занялся **Предслав Лянцкоронский**. Он происходил из очень знатных и богатых польских аристократов, но был вторым сыном, должности и владения отца унаследовал старший. А Предслав стал типичным авантюристом эпохи Возрождения. Путешествовал по разным странам Европы и Азии, служил разным властителям. Вернувшись на родину, выгодно женился на дочери магната Константина Острожского.

Обратив внимание на боевые качества казаков, Лянцкоронский в 1506 г. созвал разные общины на первую совместную раду (совет). Обрисовал перспективы – какие дела они смогут совершать, если действовать вместе. Он и сам верил – когда войско проявит себя, оно получит официальный статус, королевское жалованье. Да и для себя видел возможность возвыситься – до сих пор он не занимал в Польше и Литве никаких важных постов. Казакам идея понравилась. Постановили объединяться, Лянцкоронского избрали своим первым гетманом – в Польше этот титул означал главнокомандующего. Он начал налаживать управление, подразделять казаков на полки и сотни [155].

Хотя королю и правительству оказалось не до него. В 1506 г. Литва развязала очередную войну с Россией, но крепко обожглась. Причем на сторону Москвы решил перекинуться князь Михаил Глинский – из-за личных обид при королевском дворе. Князь обратился к государю Василию III, обещал взбунтовать всю Литву и поднял мятеж. Из Москвы ему прислали 20 тыс. конницы и служилых татар под командованием **Евстафия Дашкевича**. Он тоже был из рода Глинских, родственник князя Михаила, а на сторону России перебежал в прошлой войне.

Раздуть большое восстание им не удалось, паны и шляхта не любили Глинского. А казаков удержал в повиновении Лянцкоронский. Но русские все равно крепко всыпали противникам, Сигизмунд взмолился о мире. При этом мятежники Глинские получили право выехать в Россию. Однако Дашкевич решил переметнуться обратно, в Литву. На русской службе ему не нравились непривычные порядки, хотелось «свобод». И к тому же в Литве у Глинских остались обширные имения, Дашкевич как родственник мог их унаследовать. Король обласкал двойного перебежчика, отдал часть владений Глинских, назначил старостой Канева и Черкасс – двух центров днепровского казачества.

У русских Дашкевич многому научился. Еще Иван III перевооружил армию за казенный счет – обеспечивал своим бойцам хороших коней, заказывал лучшие сабли, огнестрельное оружие. Дашкевич занялся тем же. До сих пор казаки вооружались чем придется. У большинства были только луки со стрелами и дротики для рукопашного боя. Дашкевич стал закупать для них сабли и ружья (в России ружья называли пищальями, на Украине – самопалами). Он тоже внушал казакам, что за верную службу король их наверняка наградит, причислит к воинскому сословию, даст жалованье и другие привилегии.

В 1513 г. Литва спровоцировала новую войну с Россией. Но ее войска завязли в боях, потеряли Смоленск, а этим пользовались татары. Налетали, грабили. Тогда гетман Лянцкоронский показал, на что способно его войско. Совершил несколько рейдов в степи, разорив Аккерман (Белгород), Очаков. Взяли огромную добычу, освободили тысячи невольников, пригнали домой стада скота, толпы плененных татар и турок. В исторических работах можно встретить

известие, что Сигизмунд за эти подвиги в 1517 г. даровал казакам «вольность и землю выше и ниже порогов по обеих сторон Днепра». Но это более поздняя легенда, появившаяся в XVII в. Даровать землю вблизи днепровских порогов и за порогами Сигизмунд не мог, поскольку она принадлежала не королю, а крымскому хану.

Да и вообще король никак не стал бы награждать казаков. Их победы шли вразрез с политикой Польши, мешали ей. Потому что дипломаты Сигизмунда как раз в это время вели тайные переговоры о союзе с ханом Мехмет-Гиреем – в них участвовал и Дашкевич. Хан согласился. Объявил вдруг Василию III, что Крым – наследник Золотой Орды, поэтому имеет право распоряжаться русскими землями. Потребовали платить дань, а Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль отдать Сигизмунду. В 1521 г. на Россию обрушились страшные удары. С востока вторглись орды казанских татар, с юга крымских. Сигизмунд направил вместе с ними корпус литовской шляхты, а Дашкевич соблазнил своих казаков рассказами о богатствах Москвы, присоединился к татарам.

Эти объединенные полчища осаждали столицу России, Рязань. Пленных угнали такое количество, что русскими были переполнены рынки Кафы, Казани, Астрахани. Цена на рабов резко упала, их сбывали сразу десятками и сотнями. А престарелых, больных и прочих «нетоварных» пленников крымцы отдавали своим детям, чтобы потренировались убивать людей. И тем не менее войну Россия все же выиграла. По условиям перемирия, заключенного в 1522 г., удержала за собой Смоленск.

А казаки за проявленную верность королю никакой благодарности не удостоились. В 1524 г. Сигизмунд и паны подняли вопрос о них на Сейме. Причем рассматривались два варианта – либо принять казаков на государственную службу, создать из них постоянное войско для охраны границ, либо... уничтожить их. Но уничтожить все-таки было нельзя – кто будет прикрывать от татар? А для того, чтобы принимать на службу, денег в казне не было предвиделось. Вопрос остался открытым.

Зато Россия оказывалась для казаков естественной союзницей против степняков. Москва и Литва враждовали между собой, но казаки в обеих странах находили общий язык – противник у них был общий, крымцы. Днепровские казаки поддерживали связи с севрюками, российскими подданными. Хорошо знали их атаманов, ходили ловить рыбу на «северских реках», да и действовали нередко вместе. Черкасский и каневский староста Дашкевич тоже осознал – против крымцев надо объединять усилия. Установил контакты с русскими воеводами, с ними обменивались информацией, помогали друг другу.

Крымский хан по-прежнему числился в союзе с Сигизмундом и в 1527 г. возмущенно писал ему: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям». Жаловался, что они напали на татарские тылы, когда «я шел на Московского князя... Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (Московского государя. – авт.) под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву» [23].

В 1528 г. Дашкевич и Лянцкоронский объединили силы, еще раз взяли Очаков. Ответный массированный набег татар на Черкассы удалось отразить. А Дашкевич на русской службе перенял и искусство фортификации. Государевы ратники хорошо умели строить острожки, очень эффективные против конницы. Укрепление простое, из земли и бревен, соорудить можно быстро. Но на лошади его не преодолешь, а защитники стреляют, поражают всадников. Для охраны границ Дашкевич начал строить «сечи». Те же острожки – выкопать ров, извлеченной землей насыпать вал, насесть бревен и поставить из них частокол. В сечи, в относительной безопасности, располагался отряд казаков, высылал дозоры.

В 1533 г. Дашкевич выступил на Сейме со своим проектом обороны границ. Предусматривалось на одном из днепровских островов построить более крупную сечь, крепость, разместить гарнизон из 2 тыс. казаков и таким образом перекрыть самые удобные переправы через

реку, которыми пользуются крымцы при вторжениях. Паны выслушали с интересом. Но до практической реализации у правительства руки не дошли. Находились более важные дела, казенные деньги растекались на другие нужды.

Глава 4

О традициях

Взятие Казани войсками Ивана Грозного

В дореволюционных и советских трудах были распространены взгляды, будто казачество составилось из беглых крепостных и раскольников [47, 56]. Или из разбойников. Ни малейшей критики подобные версии не выдерживают. На Руси крепостного права не существовало до 1593 г. А церковный раскол случился только в середине XVII в. Казачество возникло гораздо раньше. Да и куда стал бы бежать крестьянин? В татарский плен? Без умения владеть оружием, без организации и навыков выжить в Диком Поле было невозможно. Даже в Литве, во владениях пограничных магнатов, куда действительно бежали крепостные, «оказывалась» лишь часть из них, большинство оставалось крестьянами, заводило привычные им хозяйства – под защитой казаков.

Ну а разбойники во все времена стремились грабить тех, кто послабее, с минимальным риском получить отпор. Татары или турки к подобным жертвам никак не относились. Наконец, попробуйте представить, возможно ли братство и спайка между разномастными бандами хищников? А ведь у казаков это было объединяющим началом – братьями считали друг друга казаки Дона, Днепра, Яика, Терека.

Да, казачество интенсивно пополнялось извне. Но за счет кого? В основном – жителей приграничья, привычных к условиям военного быта. К казакам присоединялись и беглецы из татарского плена, жители деревень, разоренных степняков – у них с басурманами были свои счёты. Но и татарские воины, потерявшие в междоусобицах родных и имущество, тоже порой присоединялись к казакам. А для того, чтобы существовать в постоянных трудах и опасностях, терпеть невероятные лишения, одних лишь материальных стимулов, добычи от набегов,

было мало. Требовалась высокая идея, способная оправдать такой образ жизни, вдохновить на самоотверженность. Эту идею казакам дало Православие. Они стали осознавать себя «воинами Христовыми», защитниками христиан от «басурман».

Выше уже было показано, что казачество складывалось из многих составляющих. Поэтому и в казачьих обычаях можно обнаружить следы разных эпох, разных народов. Как уже отмечалось, слово «казак» сарматское. От сарматских народов пришла и атаманская булава. У них она являлась символом власти князей и военачальников. Слово «атаман» северное, оно встречается в новгородских документах. Пришло оно от варягов, т. е. балтийских русов, и «ватт-ман», «атта-ман» называли предводителей варяжских дружин, что означало «отец-витязь», «отец-муж» [81]. Отсюда и казачье «батька-атаман». Слово «есаул» – тюркское, «хорунжий» – польское, «писарь», «сотник», «судья», «старшина» – русские. В Древней Руси отмечался и обычай брить голову, оставляя одну прядь волос, так себя отмечали знатные воины. У днепровских казаков мы встречаем аналогичные прически. Лев Диакон, описывая князя Святослава, упоминает одну серьгу в ухе. У казаков она означала единственного сына у матери – каковым и являлся Святослав.

Очевидно, и традиции казаков формировались постепенно. Вырабатывались именно такие правила, которые оказывались оптимальными для жизни в экстремальных условиях. Высшим органом казачьей власти был общий круг – в Поднепровье для него переняли польское слово «рада» («совет»). Традиции круга были присущи многим древним народам – германским, славянским, да и на Руси испокон веков существовало общинное самоуправление. Но у казаков круг обладал огромными полномочиями. Был и избирательным, и законодательным, и административным, и судебным органом.

Сообща решали важнейшие вопросы, выбирали и смещали атаманов, судили провинившихся. За серьезные преступления карали смертью. Это тоже диктовалось суровыми условиями казачьей жизни. Если не уничтожить гниль, угрожающую общине, могут погибнуть все. Требовалась спайка, полное доверие друг к другу. Каждый должен был являться настоящим братом для других. Прикрыть, помочь, а если понадобится, пожертвовать собой ради товарищей. Но знать, что и они прикроют тебя, пожертвуют собой ради тебя.

Поэтому и пришлых принимали в свои ряды далеко не автоматически. В XVI–XVII вв. любой новичок сперва становился «товарищем» старого казака. Тот был его наставником, опекуном. К человеку присматривались, оценивали. И только после того, как он себя зарекомендует, круг верстал его в полноправные казаки [129]. Оптимальным был и обычай самоорганизации. Если в столкновении с врагом большинство погибнет, но уцелеют хотя бы трое, то они могут составить круг, выбрать атамана и станут костяком для восстановления своей общности. Откуда и пословица «казачьему роду нет переводу». Вырабатывалась и своя «табель о рангах» – атаманы, есаулы, старшины. Это тоже диктовалось жизнью: чтобы при необходимости быстро сорганизоваться, определить, кто возглавит отряд или группу.

Еще раз коснемся и легенд о том, будто казаки в стародавние времена не женились. Фактам они не соответствуют. Никаких законов о безбрачии у казаков не существовало. Строгий запрет на связь с женщинами действовал только в походах, как и «сухой закон» – вполне здравые требования для поддержания дисциплины. На Дону в XVI в. неоднократно упоминаются сыновья казаков, потомственные казаки – а дети без жен, как известно, не получают. В царской грамоте 1624 г. упоминается, что еще раньше, в XVI в., многие донцы имели семьи в русских окраинных городах. Польские источники сообщают о женах днепровских казаков, живших в Черкассах, Каневе, Киеве. Ян Сеннинский писал о казаках: «Женщины у них наравне с мужчинами участвуют в военных действиях». Предания гребенцов говорят, что они издревле жили семьями, часто умыкали на женитьбу девушек у горцев. А. Назаров, сопоставляя прозвища яицких казаков из документов XVI в. с переписями 1632, 1723 гг., метрическими книгами XIX в., выявил четкую преемственность – некоторые прозвища продолжали

существовать, превращаясь в фамилии [97]. Кстати, среди прозвищ XVI в. нередко встречается «болдыря» – по казачьей терминологии так называли сына не-казака и казачки.

Другой вопрос, что многие казаки и впрямь не успевали обзавестись семьей из-за бурной жизни. Или становились вдовцами. Смертность была высокой, а опасность подстерегала каждый час. Вражеский налет на городок, когда казаки в походе, – и они остались без жен и детей. Иностранцы посещали Дон уже позже, в начале XVII в. Но они отмечали большую свободу казачек, их красоту, выносливость, чистоту и опрятность жилищ. Рассказывали и о брачных обычаях. Жених приводил невесту на майдан. Атаман перед лицом всех казаков спрашивал молодых, любят ли они друг дружке, и объявлял мужем и женой. Легким был и развод – казак и его супруга снова приходили на майдан, муж свидетельствовал, что она была хорошей женой, но любви больше нет. Слегка отталкивал ее от себя, после чего другой казак имел право накрыть ее полой зипуна, предлагая себя в мужа. Кстати, обычаи весьма архаичные и не славянские. На Руси в данное время развод был возможен только при пострижении одного из супругов в монахи.

Впрочем, и эти традиции вполне соответствовали условиям жизни. Ведь храмов в казачьих городках еще не было. Священники, командированные Крутицкой епархией, посещали их редко – попробуй найди казаков по опасным степям и донским зарослям. Иногда их заменяли расстриги, беглые монахи – где других взять? А чаще в казачьих общинах были свои «уставщики» – те, кто лучше знает молитвы. Поэтому и духовная жизнь казаков имела серьезные особенности. В России той эпохи чрезвычайное внимание уделялось внешним атрибутам религии: постам, регулярному посещению храмов, ритуалам праздников и т. п. Все казаки были глубоко верующими, но выполнять подобные требования попросту не могли. Как соблюдать посты, если хлеб покупной и не всегда есть, а основу питания составляют мясо и рыба?

У гребенцов впоследствии был зафиксирован обычай перед боем прикусывать кончик собственной бороды – полагали, что это в какой-то мере заменяет Причастие [14]. Известно также, что перед схваткой устраивались коллективные покаяния. Или исповедовались друг перед другом, перед «уставщиками» – с тем, чтобы исповедь погибшего уцелевшие донесли до священника. Была распространенной и такая форма покаяния, как обеты. Окунуться на Крещение, сделать вклад в монастырь. По обетам казаки периодически отправлялись на богомолье в монастыри – то в близлежащие, а то и далекие, на Поморский Север. «Отмаливали грехи», после чего возвращались к привычному образу жизни.

Но казаки пребывали в уверенности, что в вынужденном нарушении церковных установлений и формальностей для них нет ничего страшного – потому что они служат Богу по-своему, оружием. Воины Христовы. Это воспринималось не в качестве гордыни или претензий на исключительность, а как констатация факта. Воины Христовы, а уж Он разберет, кто достойно послужил Ему, а кто нет. Именно Вера стала одним из краеугольных камней казачьей психологии. А вторым была воля.

Но здесь надо иметь в виду, что в XIX в. либералы подменили понятия, внедрив вместо «воля» – «свобода». Идеализировалась «борьба за свободу», этот термин стал подразумеваться заведомым благом и противопоставлялся «рабству». Однако в XVI–XVII вв. на Руси слово «свобода» применялось очень редко. В ходу был термин «воля». Он совпадает со «свободой» лишь в одном из значений, а в других расходится. Понятие «свобода» чисто механическое. Так, в физике говорят о «степенях свободы». Одна степень – способность частицы перемещаться вдоль одной оси, две степени – по двум осям, три – по всем направлениям, четыре – тело вдобавок может вращаться вокруг одной оси, пять – вокруг двух осей, шесть – способно передвигаться в пространстве и куваться как угодно...

Слово «воля», в отличие от «свободы», включает в себя целенаправленное, осмысленное начало. Говорят – «моя воля» (в том числе и воля на то, чтобы ограничить собственную свободу). Данное понятие включает и «волевое усилие» по достижению цели, «силу воли».

Наконец, оно имеет много уровней. Есть воля человека, воля коллектива – которая выше воли индивидуума, есть и Божья Воля... *«Свобода», доведенная до абсолюта, дает анархию, хаос. То бишь царство лукавого. Воля – нет. Для нее идеалом будет случай, когда воля отдельного человека совпадает с волей коллектива и с Божьей Волей.* А слово «рабство» на самом-то деле антоним не для «свободы», а для «воли». Невольник – человек, не способный действовать по своей воле. (В наше время можно привести массу примеров, когда люди, юридически свободные, утрачивают собственную волю и живут по чуждым манипуляциям, в русле навязанных им стандартов и ценностей.) Эту разницу важно учитывать для правильного понимания психологии казачества, его истории.

Между прочим, и споры, были ли казаки «русскими» или отдельным народом, вообще не имеют смысла. Они были православными, а по понятиям той эпохи любой православный считался «русским». И если принимал православное крещение татарин, немец, поляк, он автоматически признавался «русским». Но ведь и сам по себе великорусский этнос в XV–XVI вв. только еще формировался. В составе Российской державы объединялись общности москвитян, новгородцев, псковичей, рязанцев, смолян, севрюков, «чудь», служилые татары, «литва» и т. д.

И вот здесь стоит обратить внимание, что образование новой нации – процесс не только благотворный, но и совсем не безболезненный. Самые активные, энергичные люди могут противиться «унификации». Они становятся на пути объективного процесса и, как правило, погибают – это происходило в междоусобицах Европы, арабского мира и других стран. Однако в условиях России возникла особая структура – казачество, которая нуждалась именно в таких людях! Вбирала их в себя. И для них эта структура вполне подходила. Таким образом формирование великорусского этноса и казачества шло одновременно, было «двуединым» процессом. Случай в мировой истории уникальный, оттого и не удастся втиснуть казаков ни в какую «стандартную» классификацию. Особенностью «двуединого» процесса стало и то, что казаки не отделяли себя от Российского государства, не становились его врагами – как проигравшие беженцы и эмигранты. Напротив, поддерживали и крепили связи с Россией.

Рассматривая традиции казачества, стоит коснуться еще нескольких легенд. Например, у последующих историков и литераторов было принято отождествлять казаков с конницей. Но казачья кавалерия появилась далеко не сразу. Для табунов нужны пастбища, а степь принадлежала татарам. В конном бою с крымскими загонами небольшие отряды казаков стерли бы с лица земли. Да и уйти по степи верхом от татарской погони шансов почти не было. У казаков главным транспортным средством была лодка, и воевали они пешими или на лодках. Операции строились так, чтобы скрытно подплыть к неприятельскому стану. Или устроить засаду где-нибудь на переправах. Внезапно напасть, вызвать переполох. Если у татар есть пленные – освободить их, набрать добычу, а потом отчалили, и на воде уже не догонят. Болотистые берега и прибрежные заросли прикроют от стрел, и казаки исчезнут в протоках.

Казаки учились владеть оружием с детства и славились исключительной меткостью. Что и не удивительно, ведь пропитание добывали охотой. Они были и отличными фортификаторами. Перед боем старались огородиться, очень быстро возводили «острожки». Или «засекались» завалом срубленных деревьев, делали кольцо из телег. Провоцировали противника на атаку, из-за укрытий косили пулями и стрелами, а потом довершали дело решительной контратакой. Подобную роль играли и укрепления казачьих городков. Преодолеть их вражеская конница не могла. А спешившись, татары в значительной мере теряли боевые качества. Казаки отстреливались, наносили им урон. А вести планомерную осаду, глядишь, и не станут – добыча сомнительная, а серьезные потери гарантированы.

И еще одна легенда – что казачья вольница промышляла по степям сама по себе, не имея к России никакого отношения. Причем возникла эта версия на основе реальной дипломатической переписки той эпохи. При переговорах с Москвой на казаков крымцы и ногайцы непре-

станно жаловались то на «казаков-севрюков» и «всю русь», осевшую на Дону, требуя «свести их» с этой реки. То на некоего **Сары-Азмана**, который со своим отрядом «на Дону в трех или четырех местах города поделали... да наших послов и людей стерегут и разбивают». На такие претензии русское правительство отвечало стандартно. Дескать, «на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные ходят баловни казаки, а и наших украин (окраин) казаки, с ними смешавшись, ходят». При этом разводило руками, что за действия таких ватаг Россия не отвечает, они «как вам, так и нам тати», вот и разбирайтесь с ними сами.

Но воспринимать такие ответы буквально, как нередко делают историки, не стоит. Дипломатия есть дипломатия. Ногайцы, крымцы, казанцы, астраханцы вовсе не были невинными овечками. Русь страдала от них очень сильно. Открытого конфликта с соседями Москва старалась избежать – но с помощью казаков отвечало «неофициально». В 1546 г. воевода Путивля докладывал в столицу: «Ныне, Государь, казаков на поле много: и черкасцев (из Черкасс), и кыян (из Киева), и твоих государевых, вышли, Государь, на поле изо всех украин». Как видим, о действиях казаков в Москве прекрасно знали. Подданные России, «государевы» казаки пограничных городов не ограничивались пассивной обороной, совершали вылазки в степь вместе с поднепровскими и вольными казаками.

В 1540-х гг. эта необъявленная война особенно обострилась. При малолетнем Государе Иване Васильевиче власть захватили бояре-временщики. Разворовывали казну, строительство и ремонт крепостей прекратились. Воины, не получая жалованья, расходились по домам. С Крымом и Казанью бояре старались примириться. Посылали большие выплаты, соглашались на любые уступки. Но ханы только нагнали. Крымское, Казанское, Астраханское ханство и две ногайских орды объединились против Руси, набеги стали непрерывными. Современник писал: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте» [164].

Казанский хан вслед за Крымом признал себя подданным Османской империи, потребовал от Москвы платить дань – такую же, как когда-то платили Золотой Орде. А крымский хан угрожал Царю, что турецкий султан «вселенную покорил», и «дай Боже нам ему твоя земля показати». Да и другие соседи нашей страны отнюдь не были друзьями. Литва, Ливонский орден, Швеция только и выжидали удобный момент, чтобы накинуться.

Но великий князь Иван Васильевич вырос – и стал Грозным. Сверг клику Шуйских. В 1547 г. он первым из Московских Государей венчался на Царство. А петлю, стянутую вокруг России, требовалось решительно разрубить. Реорганизовывалась армия. Полки конницы из бояр, дворян и детей боярских, дополнились частями регулярной пехоты – стрельцов. Привлекали и казаков, их нанимали за плату отрядами во главе со своими выборными атаманами. Иван Васильевич начал войну с Казанью. Правда, первые походы в 1547 и 1550 гг. были неудачными. Но Царь изменил тактику, весной 1551 г. была построена крепость Свияжск. Сперва казанцы не придали этому значения.

Однако в крепости вместе с гарнизоном были размещены казаки. Они перекрыли «сторожами» сообщение между Казанью и Крымом, несколькими рейдами привели «под государеву руку» окрестные племена горной (правобережной) черемисы. И уже вместе с черемисами начали «на луговую (левобережную) сторону ходити воевать». Посылавшиеся нападения вызвали в Казани панику, внутренний раскол. Тем же летом ханство запросило о мире. Условия были продиктованы жесткие. Казань возвращала всех русских невольников (их набралось 60 тысяч!) и становилась вассалом Москвы, принимая на престол касимовского служилого «царя» Шах-Али и русский отряд.

Но даже теперь мир оказался недолгим. Крымский хан Девлет-Гирей и султан Сулейман сразу же направили послов в Астрахань и Ногайскую орду, призывая к войне с русскими. Их эмиссары постарались взбунтовать казанцев. Шах-Али бежал, русские чиновники, воины и казаки, находившиеся в городе, были перебиты. Казань провозгласила ханом астраханского

царевича Ядигера. А Иван Грозный после этих событий пришел к выводу – полумерами ограничиваться больше нельзя, с Казанским ханством надо покончить. В 1552 г. он поднял рати для решающего удара. Девлет-Гирей попытался предотвратить его, двинул на Москву крымскую орду, усиленную турецкой артиллерией и янычарами. Но вовремя предупредили донские казаки. Русское войско выступило на юг, отразило татар под Тулой, а уж потом повернуло на восток.

Казаки участвовали в этом походе. В донской песне взять Казань помогает Ермак Тимофеевич. Но это фольклорная фантазия более поздних времен. А в начале XVII в. на Дону еще помнили подлинные события и писали: «В которое время Царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы и казаки выходили з Дону и с Волги и с Яика и с Терека». А возглавил их атаман **Сусар Федоров** [129]. Как мы видим, несмотря на дипломатические отговорки перед татарами, Москва поддерживала с казаками прекрасные отношения. И они, в свою очередь, признавали Царя своим властителем, откликнулись на «государев указ».

Осада Казани была очень трудной. Город жестоко сопротивлялся. Но после праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 2 октября, были взорваны мины, подведенные под валы и стены. Летопись сообщает, как пошли на штурм «многие атаманы и казаки, и стрельцы, и многие дети боярские, и охотники». Казань пала. Казаки ворвались в город первыми, и Иван Грозный, по преданию, наградил их – пожаловал в вечное владение Тихий Дон со всеми притоками. Эта грамота не сохранилась, но казачество о ней всегда помнило. И именно в связи с Казанским взятием Покров Пресвятой Богородицы стал почитаться у казаков особым, своим праздником. Общим – ведь в этой войне впервые выступили вместе донские, терские, волжские, яицкие казаки. И днепровские тоже, их привлекали на службу в качестве наемников. А значит, эту дату, Покров Пресвятой Богородицы 1552 г., правомочно рассматривать как точку отсчета, дату рождения российского казачества.

Глава 5

Казачество на службе России

Астрахань середины XVI в.

Взятие Казани стало важной вехой в истории России – для нее открылись дороги на Урал, по Волге. Башкиры добровольно приняли подданство Ивану Грозному, на его сторону перешла Большая Ногайская орда, кочевавшая между Волгой и Яиком. Но война еще продолжалась, осколки Казанского ханства сопротивлялись. Поддерживал их астраханский хан Ямгурчей. В 1554 г. русская рать во главе с Юрием Пронским-Шемякой была направлена на Астрахань. На соединение к ней выступили донские и волжские казаки, которыми командовал атаман **Федец Павлов**. Но они обнаружили, что и астраханское войско выдвигается навстречу русским. Сами, не дожидаясь государевых полков, неожиданно налетели на врага возле Черного острова и разбили его. Ямгурчей бежал. Павлов на лодках преследовал его, захватил суда с пушками и ханский гарем. Астрахань сдалась без боя. На ее престол посадили сына ногайского хана Дервиш-Али.

А продвижение на Нижнюю Волгу выводило Россию к Северному Кавказу. Горцы в то время разделялись на множество мелких княжеств, и господствующее положение занимала Кабарда. Она была значительно больше, чем сейчас. Ей принадлежали Пятигорье, территории Карачаево-Черкесии, междуречье Терека и Сунжи. Кабарде подчинялась часть адыгских родов, чеченских тейпов. Ее союзниками были гребенские казаки.

Однако за земли Закавказья и Северного Кавказа спорили Иран и Османская империя с Крымским ханством. Татары теснили местные племена, налагали дань не только скотом, но и людьми, заставляли переходить в ислам. Отбиваться удавалось только в горных крепостях. Но хан Девлет-Гирей, получив от турок артиллерию, развернул наступление на адыгов и кабардинцев, разбивая их замки. Еще до взятия Астрахани здешние князья обратились в Москву, просили принять их «под государеву руку».

Для переговоров на Кавказ был направлен дьяк Андрей Щепотьев, и в 1555 г. к Ивану Грозному прибыло посольство от кабардинцев – в которое входили и гребенские казаки. Оно «дало правду на всю землю» и принесло присягу, «что им со всею землею Черкасскою служить Государю». Любопытно, что московские чиновники знали давнюю историю кавказских народов. В документах о принятии Кабарды в подданство указывалось, что некогда «черкасы» (кабардинцы) были «холопями» Тмутараканских князей, а когда их земля «отошла к

нечестивым», «вселились в горы» [23]. Мы видим еще одно подтверждение теории о касогах и черкасах, рассеявшихся под владычеством Золотой Орды.

А предание гребенцов рассказывает, будто сам Иван Грозный побывал на Тереке, и казаки поставили ему условие – сохранить их волю. Царь согласился и даровал им здешние земли за службу по охране границ. В действительности Иван Васильевич никогда на Кавказ не ездил. Очевидно, легенды сохранили память о визите Щепотьева или переговорах в Москве. Но условия зафиксированы верно. Для кавказских народов подданство оставалось чисто номинальным, дань не взималась, московская администрация не назначалась. Горцы лишь брали обязательство защищать российские владения, получая за это военную помощь. В том же 1555 г. вассалом Царя признал себя Сибирский хан Едигер. Но для него условия были другими, Сибирь стала платить ежегодную дань в тысячу соболей.

Хотя турки и крымцы с успехами России отнюдь не смирились. Их эмиссары сеяли смуту среди волжских народов, организовывали восстания. В 1556 г. изменил астраханский хан Дервиш-Али. К нему из Крыма пришла тысяча конников и янычар, русских в Астрахани вероломно перерезали. Отряд воеводы Мансурова, прикрывавший Переволоку, под ударами неприятеля отступил к донским казакам в городок Зимьево. Иван Грозный стал собирать против Астрахани рать под командованием воевод Черемисинова и Писемского. На этот раз отличился донской атаман **Ляпун Филимонов**. Он понял, насколько важно не упустить время, пока астраханцы не изготовились к обороне. Казаки снова не дожидались воевод, напали на неприятеля внезапно. Разметали воинские отряды, громили улусы. Среди астраханцев поднялся переполох, они сочли, что уже нагрянула царская рать, отомстит им за коварство. Когда войско действительно прибыло, оно нашло город пустым, все разбежались. Астрахань окончательно вошла в российские владения. Атаман Ляпун Филимонов за свой подвиг был пожалован в дети боярские.

Но в это же время развернулись боевые действия на широком пространстве, от Волги до Днепра. Крымский хан Девлет-Гирей догадался, что Царь пошлет войско на Астрахань, готовился помешать русским. Вывел в поле всю орду, чтобы бросить ее на Тулу или Козельск, отвлечь государеву армию. Но и Иван Грозный предвидел – крымцы обязательно вмешаются. Чтобы сорвать набег, Царь применил новую тактику. Отправил отряд стрельцов и служилых казаков под командованием дьяка Ржевского в рейд по Днепру. На лодках они спустились по реке. По дороге к ним пожелали присоединиться 300 днепровских казаков атаманов **Млынско**го и **Еськовича**. Налетели на крепости Ислам-Кермен, Очаков. Штурмовать не стали, но погромили посады.

Хан уже вел орду на север, но узнал о нападении на свои тылы. Повернул обратно, защитить Крым. А второе лицо в государстве, калгу, с многочисленной конницей, выслал уничтожить незваных гостей. Однако казаки и стрельцы засели на острове, укрепились и 6 дней отбивали атаки. В массе всадников пули и стрелы находили жертвы без промаха, крымцы несли большой урон. А потом Ржевский совершил ночную вылазку, отогнал «стада конские, да на остров к себе перевез». Переправил татарских лошадей на другой берег и «по Заднепровью по Литовской стороне вверх пошел».

Задача была блестяще выполнена. Эта лихая операция вызвала восторг у днепровских казаков. Они уже были наслышаны о славных делах своих донских и волжских братьев. Теперь могли самолично поговорить с воинами и убедиться, как ценит их русский Царь, как жалует и награждает. Предводителем здешних казаков, старостой Каневским и Черкасским, был князь **Дмитрий Вишневецкий**. Очень знатного рода, из Гедиминовичей, но такой же авантюрист, как Лянцкоронский. Он тоже успел постранствовать по свету, послужить разным властителям. В казачьей среде он пришелся по душе, ему дали прозвище «Байда» и избрали гетманом.

Вишневецкий радушно принял Ржевского в своих владениях и отправил с ним к Царю своих посланцев. Просил принять его в подданство вместе с его городами. Обещал, что даже

без подкреплений, собственными силами, он запрет хана в Крыму, «как в вертепе». Хотя Иван Васильевич отнесся к такому предложению осторожно, Канев и Черкассы брать в подданство не стал. Ведь это влекло бы за собой войну с Польшей и Литвой. Но Государь принял Вешневецкого на службу «со всем козацтвом», а вместо Канева и Черкасс выделил князю город Белев. Таким образом, на службе у Ивана Грозного собралось все казачество: донское, волжское, терское, яицкое – и днепровские казаки тоже перешли к нему!

А отчаянный Вишневецкий даже не ждал ответа. Собрал своих казаков и снова нагрянул в Ислам-Кермен. Посадами уже не ограничился, с налета захватил крепость. Пушки из нее вывез на остров Хортица, в то время пустынный, *и в том же 1556 г. здесь была построена первая Запорожская Сечь* – за днепровскими порогами, за границей литовской территории, на землях крымского хана. Она становилась базой для новых рейдов в татарские и турецкие владения. И она служила России!

Предания запорожцев сообщают, что именно Вишневецкий устанавливал законы Сечи. А исследователи полагают, что за образец он взял устав Мальтийского рыцарского ордена. Казаки именовали себя «лыцарями», и войско подразумевалось «лыцарским братством» – нацеленным на борьбу с «басурманами». Измена, блуд, мужеложство, трусость в бою, воровство у товарищей карались смертью. Внутри Сечи вводилось строгое безбрачие, женщины в нее категорически не допускались. Впрочем, такие законы имели под собой и чисто рациональную основу. Народ в Сечи собирался разношерстный, и наличие женского пола запросто могло разложить «лыцарство».

Для Девлет-Гирея появление в его владениях казачьей крепости стало очень неприятным сюрпризом. Он бросил на дерзких пришельцев все силы. Крымцы осаждали и штурмовали Хортицу 24 дня. Но положение на острове было очень выгодным. Казаки расстреливали плывущим к ним воинов. А достать защитников стрелами с берега было проблематично – река широкая. Орда ушла не солоно хлебавши.

На Крымское ханство посыпались и другие удары. Кабардинцы, адыги и гребенские казаки атаковали на Кубани, захватили Темрюк и Тамань. Донские казаки под началом атамана **Михаила Черкашина** впервые вышли в море. Высадились десантом в Крыму и разорили окрестности Керчи. Хан был в ужасе. Решил, что на него напали передовые отряды, а за ними придет войско самого Царя. Писал султану, что русские действуют так же, как в Казани, сперва напустили казаков, а потом завоевали. Умолял – если Турция не возьмет его под защиту, то Крым погиб.

Султан Сулейман Великолепный встревожился. Прислал хану янычар и повелел, чтобы молдавский и волошский (румынский) господа тоже выделили войска. Так что первая Сечь просуществовала недолго. В 1557 г. берега Днепра снова почернели от массы конницы, на этот раз появились и пехота, артиллерия. После тяжелых боев казакам пришлось покинуть остров, Сечь была разрушена. Но и хан уже не отваживался идти на Русь. Наоборот – теперь Россия с помощью казаков перешла в наступление на Крым.

К казакам посылались русские воеводы с отрядами. На Дону и Днепре строились лодки, и казачьи эскадры стали выплескиваться в море, налетая на Крым.

Защитить все побережье было невозможно. Казаки высаживались, нападали, а пока враг успевал организовать, уже отчаливали. Захватывалась огромная добыча, освобождались тысячи невольников. Летопись радостно извещает, что «русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала... а ныне морем... в малых челнех якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кров христианскую поганым, здорово отъидоша». Иван Грозный писал Девлет-Гирею: «Видишь, что война с Россией уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь в твою землю...»

А кабардинцы с гребенцами совершали походы в Дагестан. Побили шамхала Тарковского, сторонника турок, и он тоже запросился под власть Царя. *В эти годы на Кавказе, кроме*

гребенцов, появилась и другая община казаков – на Нижнем Тереке (впервые упоминается в 1563 г.). Судя по упоминаниям в дипломатической переписке, что «на Тереке волжские казаки громят» турецких гонцов, и о казаках, «которые Волгою приходят в Терку», нижнетерская община отпочковалась от волжских казаков, построила Трехстенный городок и обосновались в нем.

Однако ситуация вскоре стала меняться. Успехи России переположили всю Европу. Против нашей страны стал складываться грандиозный международный заговор – Польша, Литва, Ватикан, Германский император, Швеция, Дания, Ливонский орден. Втягивали и Турцию, Крым. А в самой Москве зрел боярский заговор – знать раздражала сильная власть Царя, его реформы, строительство Земской монархии с опорой на простой народ. Хотелось таких же «свобод», как в Литве и Польше. Изменники связывались с королем Сигизмундом, проникли в правительство, и «избранная рада» Адашева, Сильвестра, Курбского, Курлятева принимала весьма сомнительные решения.

Так, в Поволжье казаки враждовали с ногайцами. Правительство Адашева приняло сторону ногайцев, требовавших убрать казаков. В обмен на присягу ногайцев о верности пообещало поставить на Волге стрельцов и «казаков добрых вам на береженье, в которых воровства нет». В столицу пригласили героя взятия Астрахани Ляпуна Филимонова, и назначили во главе «казаков добрых», ему вместе с воеводой Кобелевым предписывалось прочих казаков с Волги «всех согнать». Но прежние соратники признали такое поведение атамана изменой казачьему братству. А за измену ответ был один... Филимонова вызвали на круг и казнили.

Между тем Ливонский орден стал откровенно наглеть и задираться. Не пропускал в Россию стратегически важные товары, заключал союзы с недругами Москвы. Иван Грозный правильно оценил, что Орден слаб, решил пробить собственную дорогу на Балтику. А чтобы не вмешались Польша и Литва, Адашев придумал «хитрый» ход – в качестве компенсации предложить королю Сигизмунду II союз против Крыма. Ну неужели не согласится, если хан не дает житья обеим державам? Однако король вовсе не собирался уступать русским Прибалтику. Невзирая на набеги, не желал крушения Крымского ханства, считал его необходимым противовесом России. При переговорах с царскими дипломатами король обманул. Соглашался на альянс, но от конкретных обязательств уклонялся, а сам... тайно заключил союз с Девлет-Гиреем.

В 1558 г. царские полки выступили на запад. Расчеты, вроде бы, оправдывались. Ливония удара не выдержала, ее города сдавались или брались штурмом. Но вступились вдруг Литва, Польша, Швеция, Дания. Россия оказалась перед лицом нескольких врагов. А изменники теперь доказывали Царю, что с западными противниками нужно мириться, уступить им Прибалтику. Заключить союз с Сигизмундом, перебросить все силы на юг и самому Ивану Грозному вести армию на Крым. К чему это привело бы? Казаки нападали налегке, на лодках. А большому войску, чтобы добраться до Крыма, требовалось преодолеть сотни километров степей – под палящим солнцем, при нехватке воды, продовольствия. Можно вспомнить, какими последствиями обернулись Крымские походы Голицына в конце XVII в. Ворваться в Крым не смогли, но потеряли десятки тысяч людей, умерших в походе. А во времена Голицына граница лежала гораздо южнее, идти предстояло ближе... Получалось, что советники подталкивали Царя в пропасть. Но Иван Васильевич был уже опытным военным. Вызвал «для совета» казачьих атаманов и воевод, уже повоевавших в степях, и пришел к выводу – вести армию через Дикое Поле нельзя.

А вскоре на перевозе через Днепр местные казаки перехватили гонцов Сигизмунда, ехавших в Крым с грамотой. Ее доставили Ивану Грозному. Король писал, что направляет к Девлет-Гирею «большого посла с добрым делом о дружбе и братстве» и обещает платить ежегодные «поминки», чтобы хан «с недруга нашего с Московского князя саблю свою завсе не сносил». И с таким «союзником» предлагалось мириться любой ценой, отдать ему Прибалтику ради «дружбы»! Казачий трофей положил конец «избранной раде», Царь разогнал ее.

Главным фронтом признал западный. А против Крыма выбрал тактику, уже показавшую свою эффективность. Днепровским и донским казакам он послал повеление по-прежнему тревожить Крым, срывать татарские набеги.

Сам Царь, угрожая хану рейдами казаков, пытался вообще примириться с Крымом, в 1561 г. сообщил Девлет-Гирею, что готов выплатить большие «поминки». Не тут-то было! Хан прекрасно понимал, в каком трудном положении очутились русские. За мир выдвинул требование отдать Казань и Астрахань.

Но сворачивание операций на юге очень не понравилось и Вишневецкому. Он пришел к выводу, что триумфов здесь больше не предвидится, и в 1563 г. решил перекинуться обратно к Сигизмунду. Однако многие казаки не подчинились гетману. Атаманы **Савва Балыкчей Черников, Ивашка Пирог Подолянин, Ивашка Бровка** отпали от него, доложили Царю, что остаются на русской службе. Ну а король обласкал Вишневецкого, возвратил ему староство Каневское и Черкасское. Но тот был разочарован – вернулся на второстепенную должность одного из пограничных начальников. Князь ринулся в очередную авантюру.

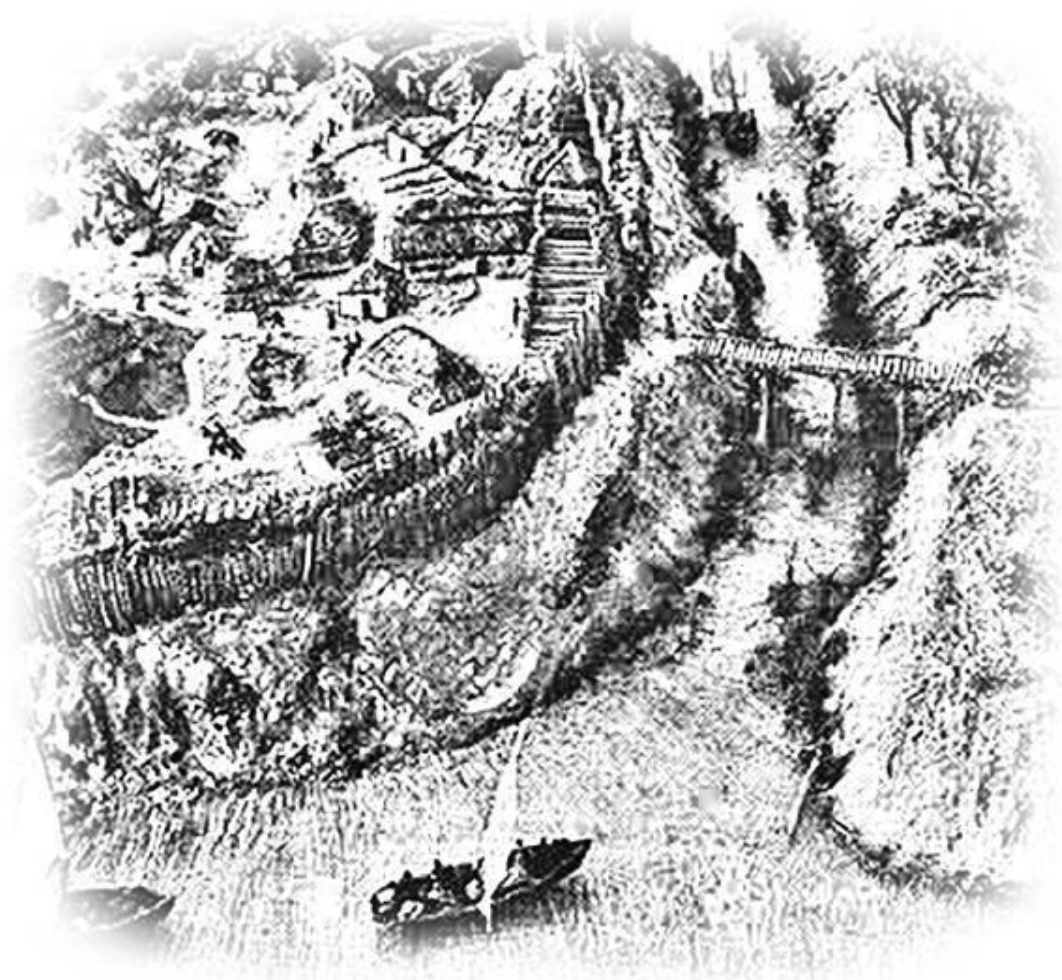
В соседней Молдавии кипели смуты, появились самозванцы. Одна из боярских группировок вынашивала планы перейти из-под власти султана к польскому королю и предложила Вишневецкому занять молдавский престол. Он загорелся, набрал отряд казаков. Но большинство молдаван восприняло его как очередного самозванца. Его окружили, пригласили на переговоры, схватили и выдали туркам. В Константинополе его предали мучительной казни, повесили на крюке под ребро. Он был жив еще три дня. В нечеловеческих страданиях ругал своих палачей, их веру, и турки добились его.

А король Сигизмунд после отъезда и гибели гетмана назначил старостой Черкасским и Каневским его племянника, **Михаила Вишневецкого**. Он увлек часть казаков воевать против русских. Вместе с татарами совершил набег на черниговские и стародубские волости, разорил деревни, городок Радогощ. На него выступил северский воевода Иван Щербатый с ратниками и местными казаками. Перехватили и наголову разгромили отряд.

Но другая часть казаков по-прежнему желала служить Московскому Царю. Удивляться такому выбору не приходится. От России они никакого зла не видели. А вот от крымских «союзников» короля им доставалось очень крепко. Невзирая ни на какие «союзы», татары навещали на Украину почти каждый год. Угоняли то 5, а то и 50 тыс. человек зараз. Но и Иван Грозный отнесся к казакам с полным доверием. Выслал жалованье, боеприпасы, и они возобновили операции против татар. Новым гетманом они выбрали князя **Богдана Ружинского**. Он был очень знатного рода, из Рюриковичей. Но при татарском набеге была убита его мать, в крымском плену сгинула молодая жена, и князь ушел к казакам, посвятил свою жизнь борьбе с хищными соседями. В казачьей среде его прозвали «Богданко» и «Черный гетман» [155].

Глава 6

Начало Войска Донского

Черкасский городок конца XVI в.

Россия успешно справлялась даже с целой коалицией противников. Московская дипломатия сумела их перессорить, с Данией и Швецией примирились. В 1563 г. сам Царь возглавил поход на Литву – в его армии числилось 6 тыс. казаков, служилых и вольных. Был взят Полоцк, в то время крупнейший город Белоруссии. Но наложились измены. К врагам перебежали Курбский и другие высокопоставленные лица, выдавали планы, подставляли под удары русские войска. Оппозиция орудовала в Боярской Думе, сплетала заговоры. В 1565 г. для борьбы с крамолой Царь был вынужден ввести чрезвычайный режим, опричнину. Но война приобрела затяжной характер, росли потери, истощались средства и ресурсы.

Трудностями России пользовался Крымский хан. Опустошал набегами Мценск, Северщину, Рязанщину, на Кавказе теснил кабардинцев. Тесть Ивана Грозного Темрюк Идарович Сунжалей обратился за помощью к зятю, и в 1567 г. в устье Сунжи прибыл отряд стрельцов, вместе с гребенскими казаками построил первую русскую крепость на Кавказе – Терский городок. Татары пользовались и тем, что значительная часть казаков уходила на войну в Ливонию и Литву. Посыпались нападения на донские городки.

В этой борьбе выдвинулся атаман **Михаил Черкашин**. Судя по прозвищу, он мог быть из днепровских казаков, а мог быть и из гребенских, роднившихся с «черкасами». Но в российских документы раз за разом попадали сведения о его подвигах. Я уже упоминал, как в 1556 г. он впервые вывел донцов в море, разорив окрестности Керчи. В 1559 г. атаман разбил крымцев в верховьях Северского Донца, прислав «языков» в Москву. Казаки считали его «характерником» – верили, что он может и пули, и ядра заговаривать. Но с именем Черкашина связано и объединение донских казаков.

Изначальным центром консолидации стали низовые казаки. Они жили в отрыве от России, в случае угрозы могли рассчитывать только на себя. Поэтому и потребность в сплочении тут была сильнее. Низовые городки стали договариваться между собой о взаимопомощи, о взаимодействии – и возникло *Нижнее Большое Войско*. А после присоединения Астрахани места у Переволоки стали более безопасными, исчезла «преграда», разделявшая низовых и верховых казаков, их тоже стали вовлекать, чтобы быть вместе.

Впрочем, речь еще не шла о централизованном управлении, администрации. Но на казачество Дона и всех его притоков распространялись общие войсковые законы, традиция общего круга и обязательности его решений. Хотя стремление объединяться выражали далеко не все. На Дону оседали и разбойничьи ватаги, были и «самостийные» атаманы, предпочитающие жить сами по себе. К таким высылали делегации, вели переговоры. Но если упирались, отказывались, казаки не останавливались перед крайностями. Городки брали «на щит», самостийников сурово карали. Однако благодаря этому донское казачество превращалось в единый организм и выстояло в смертельной борьбе.

Но положение России ухудшалось. В 1566–67 гг. прокатилась эпидемия чумы, унесла множество жизней. А к формированию единого фронта против нашей страны подключились католическая церковь, польские дипломаты, иезуиты. Был организован переворот в Швеции, там свергли короля Эрика XIV, склонившегося к союзу с Иваном Грозным. В 1569 г. католическая партия сумела осуществить объединение Литвы и Польши в одну державу, Речь Посполитую. При этом Украина, ранее входившая в Литву, перешла к католической Польше. А в Османской империи умер султан Сулейман Великолепный. Он не был другом России, поддерживал крымцев, казанцев. Но был мудрым политиком и большой войны избегал – понимал, что плоды достанутся западным державам.

Престол унаследовал его сын Селим – и вскоре стало ясно, какие силы стояли за ним. Он получил прозвище Пьяница. Его другом и советником стал Джао Микуэца, он же Иосиф Наси, богатый португальский еврей, поставлявший ко двору вино – и связанный с иезуитами. Едва взойдя на трон, Селим круто изменил политику страны. Прекратил войну с германским императором, начатую отцом, перенацелил силы на север. А в XVI в. Османская империя находилась на вершине могущества, ее армия считалась величайшей и лучшей в мире.

Был утвержден грандиозный план направить корабли и войска на Дон, очистить его от казаков, прорыть канал и провести корабли на Волгу. В результате и Астрахань, и Казань, и Северный Кавказ достались бы туркам. А России, попавшей в кольцо врагов, осталось бы только капитулировать. Казанцы и астраханцы заверили, что при появлении турок поднимут восстание. В 1569 г. большой флот и армия под командованием Касим-паши двинулись из Азова на Дон – более 100 судов, 15 тыс. турецкой конницы, 40 тыс. татарской, 2 тыс. янычар. По русским данным, рать насчитывала 90 тыс. (возможно, с рабочими-землекопами). Казаки такой лавине сопротивляться не могли. Многие из них находились в Ливонии. А оставшиеся уходили, бросая городки.

Однако большие турецкие корабли садились на мели, их приходилось разгружать, стаскивать, и армада ползла до Переволоки 5 недель. Лишь в августе Касим-паша разбил лагерь на Иловле и распорядился приступить к работам. Царь предпринимал экстренные усилия, чтобы противостоять врагу. Узнав о подготовке вторжения, отправил в Астрахань воеводу Долмата

Карпова с подкреплениями. А в Нижнем Новгороде повелел собирать армию под командованием двоюродного брата, Владимира Старицкого. Приказал ему не дожидаться всех сил, посадить на лодки «плавную» рать и бросить на выручку Астрахани.

Но Старицкий почему-то не спешил. Застрял в Нижнем, устраивая пиры. А воевода «плавной рати» Петр Серебряный вдруг проявил робость. На Волге у турок никаких судов еще не было. Но князь даже не попытался проскочить мимо них. Доплыл до Царицына острова и отступил вверх по реке. Иван Грозный еще не знал, что одновременно с турецким нашествием готовился удар в спину. В заговоре участвовали его приближенные, новгородские бояре, и на престол намечали возвести именно Владимира Старицкого. Они заключили договор с королем Сигизмундом. Предполагалось убийство Царя. Владимир с армией захватит Москву. А полякам за помощь отдадут Псков и Новгород.

Царь использовал и дипломатические меры, его послы поехали к паше Кафы, выразили недоумение, что турки двинулись на Россию без всякого повода. Паша бросил послов в тюрьму. Но Иван Грозный разослал призывы и к казакам. И вот они-то откликнулись! 5 тыс. днепровских казаков выступили на помощь Астрахани. А тем временем Касим-паша убедился, что прорыть канал нереально. Перетащить тяжелые корабли волоком тоже не получалось. Зато прибыло посольство астраханских татар и заверило, что суда на Волге не понадобятся. Пусть турки быстрее наступают, а уж астраханцы их и плавсредствами обеспечат, и снабжением, и ворота города откроют. Касим согласился. Отправил флот с артиллерией и припасами обратно в Азов, а армия двинулась налегке, взяла лишь 12 орудий. 16 сентября турки и татары подошли к Астрахани, и «астороханские люди со многие суда к ним приехали».

В это время и в Москве заговорщики попытались отравить Царя. К счастью, покушение по каким-то причинам не удалось, от яда умерла лишь царица Мария Темрюковна. А все враги России, внутренние и внешние, оказывались связаны между собой – под Астрахань к Касиму-паше приезжали послы Сигизмунда, уговаривали ни в коем случае не снимать осаду. Но воевода Карпов успел изготавиться к обороне, взял город под контроль, не допустив мятежа. Ворота перед турками не открылись.

А в тылах днепровские казаки соединились с донскими, пресекли сообщение между армией Касима и Азовом. Удар они нанесли не по вражескому войску, а по изменившим астраханцам, захватили и разметали «многие суда». Несколько атаманов с казаками явились к князю Серебряному, сообщили, что путь по Волге расчищен, и провели его флотилию с ратниками в город. Для турок разгром казаками астраханцев обернулся бедствием – они остались без снабжения. Перед ними была крепость с сильным гарнизоном. Штурмовать ее с 12 легкими пушками нечего было и думать. А вести осаду – значило зимовать в голой степи, в кольце казачьих отрядов. Припасов уже не хватало, голодные воины начали бунтовать. 26 сентября Касим повел армию прочь.

Но казаки набросились клевать со всех сторон. Турки и татары сочли, что это уже пришла русская армия, что их окружают. Нарастала паника. Пробиваться прямым обратным путем враги не рискнули, свернули южнее – пошли через прикаспийские степи, без еды, по безводным местам. Падали кони, умирали люди. А в предгорьях Кавказа на них посыпались нападения кабардинцев и терских казаков. Лишь через месяц жалкие остатки армии добрались до Азова. Однако казаки и в Азов подпустили «красного петуха». От пожара взорвались пороховые запасы, разрушив крепость. Погибла пристань, сгорели военные корабли.

Царь наградил казаков щедрым жалованьем. Оценив такое отношение, часть днепровских казаков решила остаться на Дону. *В 1570 г. они основали Черкасский городок.* А Иван Грозный понадеялся, что такой провал образумит неприятеля. Он направил в Бахчисарай и Константинополь посла Ивана Новосильцева с предложениями о мире. В связи с этим послал грамоту «на Донец Северский», в ней указывалось – «проводить посла из Рыльска велели к Азову Мише Черкашину» и сообщалось, что за службу казакам выделено «государево жало-

ванье: деньги, и сукна, и селитру, и свинец». Грамота в общем-то обычная. Такие поручения казакам давали уже давно. И все же этот документ стал особенным. В 1860-х гг. было решено установить «старшинство» Казачьих Войск. А критерием было принято считать самый ранний документ о их службе Русским Царям. Именно эта грамота в архивах оказалась самой ранней. Были, конечно, и другие, но не сохранились. *Отсюда и официальное старшинство Всевеликого Войска Донского было установлено с 1570 г.*

Но посольство Новосильцева успехом не увенчалось. Турок и татар поражение обозлило, они грезил о реванше. В 1570 г. последовали нападения крымских мурз на каширские, рязанские, новосильские окрестности, царевич Адиль-Гирей разгромил кабардинцев, Темрюк Идарович был ранен, двое его сыновей попали в плен. Причем единства среди кабардинских князей не было. Когда запахло жареным, часть из них переметнулась к татарам. На их сторону перешли адыги, изменила Большая Ногайская орда. А Россию тем временем еще раз опустошила чума. От нее вымерла значительная часть русской армии, осаждавшей Ревель (Таллин). Разветвленный боярский заговор Царю удалось раскрыть и выкорчевать. Около 1,5 тысяч изменников было казнено, других отправили по тюрьмам и ссылкам. Но выловили не всех, часть разбежалась.

А в 1571 г. Девлет-Гирей выступил на Русь со всеми силами. Сперва он намечал всего лишь разграбить Козельск. Но к нему явились уцелевшие изменники во главе с Башуем Сумароковым и Кудеяром Тишковым. Сообщили, что в России «два года была меженина великая и мор», что войска «в Немцах», а у государя «людей мало». Звали идти прямо на Москву, предложили показать броды на Оке... Иван Грозный получил от казаков донесения о набеге. На Оку вышла армия Ивана Бельского. Ждала возле самых удобных переправ у Серпухова, выслала разведку, но татары не появлялись. Хотя орда повернула в западном направлении, переправилась через Оку в верховьях, обошла русское войско и ринулась к столице.

Бельский узнал и тоже погнал полки к Москве. Сумели опередить врагов, влетели в город, отбросили атаку крымцев. Но татары подожгли Москву. Случился один из самых страшных пожаров столицы. Погибло множество людей и большая часть армии, сам Бельский задохнулся от дыма. А Девлет-Гирей в общем-то не рассчитывал на такой успех. Его орда шла грабить налегке, поэтому он нахватал побольше «ясыря» и повел войско назад. Перед Сигизмундом он хвастался, что угнал 60 тыс. пленных и 60 тыс. русских погибло в пожаре.

Ответные удары не заставили себя ждать. Днепровские казаки «впали за Перекоп», разорили крымские улусы. А волжские казаки отплатили ногайцам, захватили и сожгли их столицу Сарайчик. Но их успехи не шли ни в какое сравнение с катастрофой Москвы. Таких потерь, такого унижения страна не знала уже давно. Иван Грозный просил о мире, выражая готовность к огромным уступкам. Соглашался уйти с Кавказа, приказал скрыть Терский городок, раздражавший турок. Соглашался платить «поминки» хану и даже отдать Астрахань.

Но теперь врагам России этого казалось мало. Султан Селим объявил свои условия: «Отдай Казань, отдай Астрахань, а сам стань подручным нашего высокого порога» – требовал, чтобы Царь признал себя вассалом Османской империи, таким же, как властители Молдавии или Валахии. В Крыму были настроены еще более решительно. Прошлый поход показал, как легко громить Русь! Значит, оставалось ее добить. В Бахчисарае уже распределяли наместничества – кому из мурз дать Москву, Владимир, Суздаль. Финансировать поход взялись купцы-работоторговцы, а за это получали от хана ярлыки на беспошлинную торговлю в русских городах, по Волге, Оке.

А султан попросил у Сигизмунда «одолжить» Киев – чтобы сделать его промежуточной базой для операций на севере. Молдавский господарь получил приказ султана строить мосты на Дунае и запасать продовольствие для войск. Речь шла уже не о территориях, не о городах. Речь шла о самом существовании России... Но сил у царя было слишком мало! Множество воинов умерло от чумы. Под Ревелем и в Москве погибли две армии. По призыву Ивана Гроз-

ного стекались жидкие отряды. Но их еще и надо было разделять. Усиливать войска на западных рубежах, против Литвы и шведов. И в Поволжье – ожидая, что турки опять взбунтуют казанских и астраханских татар.

Основную армию, на Оке, Иван Грозный поручил самым талантливым полководцам, Михаилу Воротынскому и Дмитрию Хворостинину. Отдал им лучшие части, которые у него имелись: опричников, московских стрельцов, личную царскую гвардию из иностранных солдат. Но их было мало. Разрядный приказ сообщал: «И всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей двадцать тысяч тридцать четыре, опричь Мишки с казаки» [34]. Опричь Мишки с казаки – потому что спасти Россию пришел казачий Дон с атаманом Михаилом Черкашным. Хотя население на Дону было еще небольшим, отряд составлял 3–5 тыс. человек. Но и в числе 20 тысяч «опричь Мишки» было еще 2 тыс. казаков. Тысячу волжских казаков наняли за свой счет Строгановы, и пришла тысяча «казаков польских наемных с пищальми» – днепровских. По планам, казакам предстояло на лодках прикрывать переправы Оки. А если хан будет отступать, нападать из засад, отбивая полон. Но надежды на это были слабыми. Слишком неравными выглядели силы. Царь перенес свою резиденцию в Новгород, туда эвакуировали государственную казну. Да, это был один из самых критических моментов в истории России...

Села на коней вся крымская орда, ногайцы. Присоединились отряды кавказских горцев, ополчения Азова, Очакова, Кафы, Темрюка, Тамани. Султан прислал янычар, артиллерию. Великий визирь Мехмед Соколу отправил к Девлет-Гирею многочисленных вассалов собственного двора. Исследователи признают, что поход был совершенно не похожим на прежние набеги татар. Раньше они приходили как грабители, не обременяя себя лишним имуществом. Теперь шли завоеватели, с огромными обозами. Численность армии достигала 100–120 тыс., а со слугами и обозными – до 200 тыс.

27 июля 1572 г. эти полчища вышли к Оке у Серпухова. На другом берегу заняла позиции рать Воротынского, выставила батареи. Крымские разьезды были отброшены. Девлет-Гирей тоже выставил пушки, завязал перестрелку, показывая, будто готовятся форсировать Оку. Но главные силы скрытно перебазировались в другое место, ночью стали переправляться через Сенькин брод. Сторожевой полк Ивана Шуйского, стоявший на этом направлении, был опрокинут. Неприятельская армия обошла русскую и по Серпуховской дороге устремилась к Москве. Защитников там вообще не было... Казалось, прошлогодняя история повторяется. Но во главе русских войск стояли другие военачальники. Они не стали наперегонки с противником мчаться к столице, а затеяли другую игру. По дороге между лесов и болот лавина татар и турок растянулась многокилометровой змеей. А наши ратники вцепились ей в хвост, оттягивая на себя.

Хворостинин, собрав всю конницу, бросился в погоню. Ударил на арьергард, которым командовали крымские царевичи, погромил обозы. Хан уже дошел до р. Пахры возле Подольска. Узнав о нападении на тылы, он остановился и выделил сыновьям еще 12 тыс. всадников, чтобы устранили досадную помеху. Но русская пехота, артиллерия, казаки подтягивались следом за конницей и встали возле церкви Воскресения Христова в селе Молоди. Место было удобное, на холме, прикрытом речкой Рожайкой. Здесь поставили гуляй-город, передвижное укрепление из щитов на телегах. А наша кавалерия под натиском крымцев покатила назад. Удирая по дороге, подвела разогнавшихся татар прямо под батареи и ружья гуляй-города. Врага покосили огнем.

И хан сделал именно то, ради чего предпринимались все усилия. Не дойдя до Москвы 40 верст, повернул обратно. Решил уничтожить русскую рать, а потом ему достанется и столица, и беззащитная страна. 30 июля противник обрушился всей массой. Шесть полков московских стрельцов, 3 тыс. человек, прикрывавших подножие холма у Рожайки, погибли до единого. Татары сбили с позиций и конницу, оборонявшую фланги, заставили отступить в гуляй-город. Но само укрепление устояло, отражая все атаки. Были убиты ногайский хан, трое мурз. А луч-

ший крымский полководец Дивей-мурза решил разобраться в обстановке, неосторожно приблизился к гуляй-городу. «Резвые дети боярские» во главе с Темиром Алалыкиным выскочили из укрепления, порубили свиту и захватили Дивея в плен.

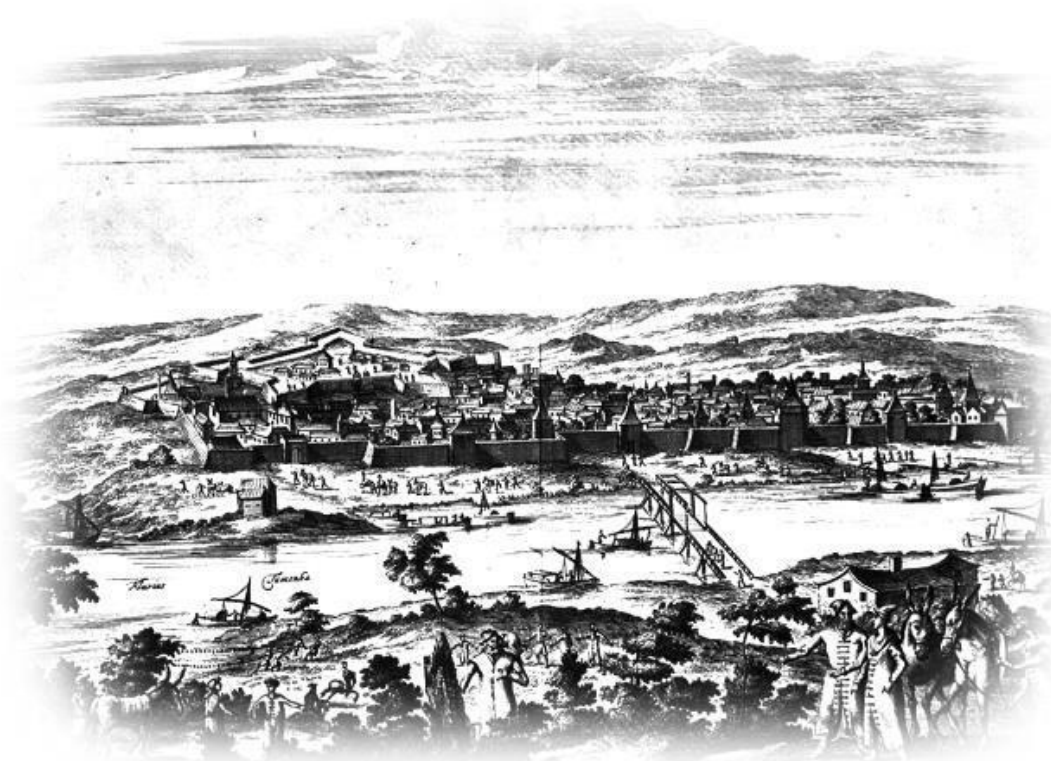
Враг понес такой урон, что двое суток приводил себя в порядок. Но и русская армия оказалась заперта в укреплении почти без еды и фуража, отрезана от воды. Люди и кони слабели, мучились. Воины пытались копать колодцы «всяк о своей голове». Но и полчища неприятеля не могли долго стоять на одном месте. Они разорили все вокруг, сожрали все, что смогли найти в окрестных деревнях. 2 августа возобновился яростный штурм. Татары и турки устилали холм трупами, а хан бросал новые силы, волна за волной. Подступив к невысоким стенам гуляй-города, враги рубили их саблями, расшатывали, сиюсь перелезть или повалить, «и тут много татар побили и руки поотсекли бесчисленно много» [34].

Уже под вечер, воспользовавшись тем, что противник сосредоточился на одной стороне холма, был предпринят дерзкий маневр. В укреплении остались Хворостинин с казаками, пушкарями и иноземной гвардией, а конницу Воротынский сумел скрытно вывести по оврагу, двинулся в обход. При очередном штурме неприятеля подпустили вплотную без выстрелов. А потом из всех ружей и пушек последовал страшный залп – по густой массе атакующих, в упор. В клубах дыма защитники с криком бросились в контратаку. А в тыл хану ударила конница Воротынского. И орда... побежала.

Ее гнали и рубили. Погибли сын и внук хана, «много мурз и татар живых поимали». Несмотря ни на какую усталость, незваных гостей «проводжали» до самой Оки – 3 августа прижали к берегу и уничтожили 5 тыс. крымцев. Многие утонули при переправе [29]. Вышли из крепостей гарнизоны южных городов, истребляя бегущих. По всей Руси радостно затрещивали колокола. Победа! Да еще какая! Передавали, что до Крыма добрались лишь 20 тыс. татар. Турецкие янычары и артиллеристы сгинули до единого – у пеших воинов, зашедших так далеко в чужие края, шансов не оставалось. Россия была спасена. А Османская империя получила настолько суровый урок, что сотню лет не предпринимала поползновений на север.

Глава 7

Начало Оренбургского и Терского Войск

Терский городок конца XVI в.

Азов долгое время считался как бы «нейтральным». Здешние купцы торговали с казаками, местные власти закрывали на это глаза. А донцы по памяти все еще считали Азов «своим», никогда не нападали на него, приезжали сбывать рыбу, военную добычу, покупать одежду, вино, хлеб. Через посредничество азовцев казаки, татары и турки обменивались пленными или выкупали их. Но после разгрома при Молодях крымцы обозлились на Михаила Черкашина. Когда его сын Данила появился в Азове, схватили его и увезли в Крым. Атаман мгновенно поднял казаков. Напал на город, погромил посад и захватил 20 «лучших людей», в том числе Сеина, шурина турецкого султана. Передал, что отпустит всех в обмен на сына. Но Девлет-Гирей жаждал отомстить Черкашину, предал Данилу мучительной казни. В ответ были убиты заложники. Даже султан возмутился действиями хана, писал ему: «А ведь, де, Азов казаками и жил, а казаки, де, Азовом жили, о чем, де, у них по ся места все было смирно. Нынче, деи, ты меж казаков и Азова великую кровь учинил». Действительно, с этого момента «нейтралитет» Азова кончился [129].

Но перед Иваном Грозным Девлет-Гирей после полученного урока пытался заискивать. Просил о мире, писал: «С одной стороны у нас Литва, с другой черкесы, будем воевать их по соседству и голодными не будем». Конечно, Царь понимал, что любые договоры с Крымом могут быть только временными – пока побитые хищники зализывают раны. Еще до сожжения

Москвы он взялся укреплять южные рубежи, выдвигаясь в Дикое Поле: возводились крепости Орел, Болхов, Епифань. В феврале 1571 г. Боярская Дума утвердила «Приговор о станичной и сторожевой службе» – по сути положивший начало пограничным войскам. Предусматривалось с ранней весны до глубокого снега размещать в степи станицы-заставы, высылать дозоры.

А передышку, полученную после победы на Молодях, Царь использовал для грандиозного дела, начал строить засечные черты. Граница сдвигалась на 150–200 км на юг. Новые крепости, форпосты в Диком Поле, соединялись единой системой укреплений. В лесах рубились сплошные завалы, на открытых местах копались рвы и насыпались валы до 15 метров. Поверху ставились частоколы. В промежутках между крепостями засеки прикрывались острожками, укрепленными слободами. Большая засечная черта протянулась на сотни километров от города Алатырь на Темников – Шацк – Ряжск – Данков – Новосиль – Орел – Новгород-Северский. Службу на засечных чертах несли казаки. Они становились и населением новых мест, и строителями, и защитниками. В казаки верстали пограничных крестьян, привычных жить с оружием в руках. Привлекались тульские, брянские, рязанские, мешерские казаки, зазывали донских, днепровских, волжских, яицких.

Так возникло Орловское казачество. В самом Орле существовала Черкасская слобода (из днепровских казаков), развertyвались «Мценские сторожи», «Орловские и Карачевские сторожи». О них до сих пор свидетельствуют названия здешних селений – Казачье, Сторожевское, Караул, Воин, деревни Казаки и Казаковки в Елецком, Болховском, Колпинском, Покровском, Новосильском районах. *Служилое казачество складывалось и по всей протяженности засечной черты.* Казачий отряд в крепости назывался «прибором», его командир получал чин «головы» и подчинялся воеводе [169].

Глубоко в степь высылались дозоры. Каждый состоял из 2 казаков с заводными лошадьми. Пункт наблюдения выбирался на дереве или холме. Заметив облако пыли, дозорный сообщал товарищу, и тот скакал к своим [84]. По этому сигналу поднималась тревога в крепостях, высылались разведка. И если поступало подтверждение, что тревога не ложная, идут татары, приходила в действие вся система обороны, донесения летели в Москву, выступали войска. Большая засечная черта перекрывала путь для крымских набегов. Крестьяне избавлялись от постоянного страха перед степняками, стало возможным осваивать огромные пространства плодороднейших черноземных земель, до сих пор лежавших нетронутыми.

Но беспокойно было и на востоке. Турецкие и крымские эмиссары подбивали на мятежи татар, черемису, мордву, чувашей. А Большая Ногайская орда после молодинского разгрома снова переметнулась служить Ивану Грозному, но искренностью не отличалась. При удобном случае ногайцы не прочь были пограбить русских, втягивали в набеги башкир. Царь и здесь строил новые крепости: Мокшан, Верхний и Нижний Ломов, Водинск. Для службы набирали казаков, они составили значительную часть гарнизонов Казани и Астрахани. А для контроля за уральскими степями было решено выдвинуть форпост далеко на восток. В 1574 г. отряд воеводы Ивана Нагого заложил на р. Белой Уфимское укрепление. Здесь также поселили казаков. *И с этой даты, 1574 г., берет отсчет старшинство Оренбургского Войска* [169].

Победа при Молодях вновь подняла авторитет Москвы среди народов Кавказа. Прежние царские союзники, кабардинцы, воспрянули духом. Вместе с гребенцами стали теснить своих противников. Иван Грозный поддерживал друзей России. *В 1577 г. «по челобитью Темрюка, князя Черкасского» был вторично построен Терский городок. В его возведении участвовали гребенские казаки. И... эта дата принята для определения старинства Терского Войска.* Потому что сведения о первом строительстве городка в 1567 г. и о службе в нем казаков есть, но «вторичные». А документальное царское указание и донесения воевод сохранились только насчет второго городка.

Сюда был направлен воевода Новосильцев и отряд стрельцов. Но они лишь помогли кабардинцам, обеспечили строительство и в 1579 г. возвратились. Постоянный гарнизон и

население Терского городка составили казаки. Очевидно, Царь не желал осложнений с Османской империей и предпочел изобразить, будто Терек живет самостоятельно – так же, как Дон. И действительно, терские казаки сохраняли полную независимость. Они выполняли царскую службу по охране границы. Но имеются сведения, что гребенцы в эту пору нанимались на службу и к грузинским царям (хотя иногда ходили в Грузию «на добыч»). Документы конца XVI в. свидетельствуют, что казаки подрабатывали наемничеством и в Дербенте, и у шахов Персии. Не прочь были и «пошалить». Периодически Царю шли жалобы персидских, крымских, турецких купцов, кумыкских, тюменских, шемахинских, ногайских князей, что их пограбили казаки, захватив товары, скот, лошадей [14].

Но для Северного Кавказа это было делом обычным, здесь все так жили. Например, угнать коней считалось не только «заработком», но и признаком удали. Однако стоит подчеркнуть, что заселение казаками Терека и Сунжи не вызывало никакого кровного противостояния с коренными народами. Ни чеченцы, ни дагестанцы в то время в долинах вообще не жили, это было слишком опасно – по соседству кочевали татары и ногайцы. Предпочитали оставаться в горах. А для казаков селиться по рекам было привычно. Основным их промыслом являлось рыболовство, в камышах и прибрежных лесах водилось множество дичи. Если же налетят степняки, казаки хорошо умели отбиваться в своих городках, а угоны скота и урон хозяйству быстро компенсировали ответными рейдами. Для казаков это тоже было привычно, буднично.

Глава 8

Начало Запорожского Войска

*Герб войска Запорожского в начале XVII века.
Гравюра из книги «Верши»*

Речь Посполитая воевала с Россией, но, невзирая на это, большинство днепровских казаков по-прежнему служили Царю и выполняли его приказы тревожить южных врагов. Хан слал жалобы польскому королю, что «из года в год зимой и летом» они нападают на татар и турок, побивают их, угоняют коней, скот, громят купцов и даже послов, возвращающихся из Польши. Что окрестности Очакова, Бендер, Аккермана, Ислам-Кермена по 4–5 раз за год подвергаются казачьим набегам, а в Киеве, Черкассах, Каневе и Брацлаве содержится не менее тысячи мусульманских женщин и детей.

Казаки все чаще выходили в море. Флотилиями в несколько десятков «чаек» налетали на прибрежные селения. Турки высылали против них военные корабли с пушками. Но казаки быстро поняли, как бороться с ними. Атаковали, проскакивая в «мертвое» пространство, где орудия их не доставали, и лезли на палубы, на abordаж. Они активно участвовали и в смутах в Молдавии – дружбе Речи Посполитой с Турцией это совсем не способствовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.